

В. А. ВИНОГРАДОВ

КОНСОНАНТИЗМ
И ВОКАЛИЗМ
РУССКОГО ЯЗЫКА

(Практическая фонология)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1971

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Обучение произношению неродного языка сводится по существу к двум задачам: а) выработка фонетического автоматизма (по определению С. И. Бернштейна: «всякое фонетическое знание должно быть, путем систематического упражнения, претворено в автоматизированный навык»); б) минимизация (а в идеальном случае — полное устранение) искажающего воздействия родного языка студента. Очевидно, что вторая задача подчинена первой: борьба с «иностраным акцентом» является необходимым условием выработки автоматизма языкоупотребления при овладении вторым языком. Но акцент есть следствие автоматизмов родного языка, — следовательно, исходным пунктом методики обучения произношению должно стать контролирование этих первичных автоматизмов. Это требование сформулировано Л. В. Щербой: через сознательное владение языком к бессознательному; от осознания бессознательных механизмов языка к сознательному отталкиванию от родного языка.

Практически «осознание бессознательных механизмов» сводится к получению знаний о фонологических системах двух языков (родного и изучаемого) и применению этих знаний в процессе обучения. Таким образом, введение сопоставительного момента в методику обучения произношению обеспечивает сознательный подход к устранению ошибок, неизбежно возникающих в результате наложения системы артикуляционных навыков родного языка на язык изучаемый. При этом важно различать двоякого рода ошибки: 1) ошибки, затрагивающие лишь артикуляционную норму и не приводящие к искажению смысла высказывания, — это ошибки речевые (фонетические); 2) ошибки, затрагивающие языковую норму, т. е. связанные с неправильным употреблением смысловых различительных звуковых единиц — фонем (например, неразличение глухих и звонких, твердых и мягких согласных), в ре-

зультате чего возникает опасность нарушения смысла высказывания; это языковые ошибки.

Если в отношении речевых (артикуляционных) ошибок достаточно эффективным способом их устранения может оказаться обычный путь имитации и «артикуляционной гимнастики» в виде многочисленных фонетических упражнений, то языковые ошибки эффективно устранимы лишь при фонологическом подходе к усвоению произношения. Фонологизм в обучении произношению помогает не упустить из виду специфику некоторых внешне фонетических ошибок, которые обусловлены нефонетическими законами родного языка. Например, с точки зрения русского фонологического слуха произношение англичанином русского [т] в виде постальвеолярного придыхательного [t^h] представляется чисто фонети-

ческой неправильностью. Но в действительности эти две артикуляционные особенности — постальвеолярность и придыхательность — имеют различную фонологическую значимость. В английском языке отсутствует зубное [t], поэтому единственно возможный локальный признак этой согласной — постальвеолярность — не связан с различием переднеязычных фонем, т. е. не нагружен смыслоразличительной функцией; английское [d] характеризуется тем же местом образования, что и [t]. «Перевод» постальвеолярного [t]

[t] — задача чисто фонетическая, и фонология здесь не нужна. Зато артикуляционный признак способа образования английского [t] — придыхательность — это уже не просто фонетический факт, а фонологически значимая особенность; для английского фонологического слуха существенно не наличие голоса в произношении [d], а именно отсутствие придыхания, которое и обеспечивает различие двух смыслоразличительных единиц /t/—/d/. Поэтому трудность усвоения англичанином русских глухих и звонких согласных состоит не в осознании самого наличия двух разных переднеязычных смычных фонем (это известно и английскому языку), а в осознании фонологической значимости признака «наличие голоса — отсутствие голоса». То, что в английском языке принадлежит к сфере чисто фонетической, в русском языке оказывается фонологическим фактом, и методика обучения должна ориентировать англоязычного студента на осознание именно данного фундаментального различия. Если же заставлять студента чисто механически «снимать» придыхательность при произношении русских глухих смычных, он автоматически будет стремиться подставлять вместо них полувзвонкие (или даже звонкие) согласные, а это уже является, с точки зрения русской фонологии, серьезной языковой ошибкой.

На основании подобных примеров нетрудно прийти к ряду методических выводов: 1) как различны ошибки, так же раз-

лично должны быть пути к их устранению; 2) в каждом конкретном случае эффективная борьба с иностранным акцентом должна основываться на двуязычном сопоставлении, ибо идиоматичны не только артикуляционные базы языков, но в первую очередь идиоматичны их фонологические системы; 3) установка на различие «трудных—легких» звуков таит в себе опасность упустить из виду специфику тех, внешние фонетических ошибок, которые обусловлены фонологическими законами родного языка студента. Все эти выводы говорят об одном — о необходимости разрабатывать конкретную программу и методику обучения произношению на базе практической фонологии, под которой здесь понимается методически ориентированное, систематическое и нормативное изложение основных фонологических особенностей второго языка.

Обычный учебный курс произношения строится на так называемой практической фонетике, т. е. совокупности сведений об артикуляционных особенностях звуков изучаемого языка, к которым прилагаются фонетические упражнения. Это первичное пособие, предназначенное для студентов и преподавателей и используемое на фонетических уроках. В отличие от него практическая фонология не является собственно учебным пособием, поскольку она рассчитана в первую очередь на преподавателей и призвана помочь им при построении учебного курса. В отечественной литературе можно указать лишь одно руководство такого типа — книгу Е. А. Брызгуновой «Практическая фонетика и интонация русского языка» (Изд-во МГУ, 1963). Однако в этой книге не ставилась задача систематического изложения русской фонологии; образно говоря, пособие Е. А. Брызгуновой — это тактика обучения произношению, построенная на анализе типичных ошибок, из которого выводятся определенные методические рекомендации по постановке конкретных звуков. Практическая фонология не заменяет таких пособий, а мыслится как «стратегическое дополнение», позволяющее преподавателю и в первую очередь составителю практического руководства представить в обозримом виде всю фонологическую систему русского языка в совокупности взаимоотношений составляющих ее элементов. Это поможет согласовать методическую логику в построении курса с фонологической логикой на основе учета специфичности, которой отмечена звуковая система русского языка. Можно думать, что данный очерк окажется полезным прежде всего преподавателям русского языка, живущим за границей, для которых русский язык не является родным. Это избавит их от необходимости изучать специальные лингвистические исследования, требующие нередко достаточно высокой подготовленности. Структура практической фонологии позволяет одновременно наметить

последовательность узловых тем курса с таким расчетом, чтобы это наиболее соответствовало организации языка в его фонологическом ярусе.

§ 2. ПРИНЦИПЫ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА

О важности фонологических (и шире — теоретико-лингвистических) знаний при построении учебного языкового курса говорилось достаточно много, и говорилось именно учеными, в той или иной мере сталкивавшимися с вопросами языковой практики (С. И. Бернштейн, Е. Д. Поливанов, Н. С. Трубецкой, Л. В. Щерба, А. А. Реформатский). В основе такого понимания места теоретической лингвистики в процессе обучения, и в частности, обучения произношению, лежат некоторые универсальные законы строения языка, и основной из них — закон системности. Этот факт, хорошо известный любому лингвисту, нередко оставляется без внимания в работах методического характера, обсуждающих принципы и пути постановки произношения. В результате вся проблематика фонетического обучения сводится к одному знаменателю «легкие — трудные звуки», и отсюда следует естественная методическая рекомендация строить обучение по принципу восхождения от более легкого к более трудному. Основное внимание уделяется отработке «трудных звуков», что связано с механической ломкой артикуляционных навыков студента.

Безусловно, артикуляционные трудности ожидают всякого, кто приступает к изучению иностранного языка. Но нельзя сводить эти трудности к единственной причине — артикуляционному укладу родного языка студента. Экспериментально доказано, что механизмы говорения не замыкаются сферой *oratio* («произнесение»), а включают также сферу *auditio* («слухового восприятия»). Практическое обучение языку в значительной мере состоит в имитации произношения, т. е. в подстройке своего артикуляционного аппарата к артикуляционному аппарату преподавателя. Чтобы эта подстройка была успешной, преподаватель должен быть уверен, что студент правильно *слышит* то, что он говорит. А это отнюдь не очевидно как раз потому, что язык — не просто набор артикуляционных навыков, а сложная система отношений, в которые вступают произносимые единицы языка. В основе восприятия звучащей речи лежит то, что А. А. Реформатский называет фонологичностью речевого слуха, которая заключается в умении языкового сознания отсеивать те артикуляционные свойства звука, которые в данном языке не несут никакой функциональной нагрузки. Фонологичность слуха довлеет и над восприятием произносимых звуков, и над собственной артикуляцией.

Возьмем, к примеру, носителя арабского языка. Несмотря на то, что в его родном языке имеются тембровые различия согласных, напоминающие различие по твердости—мягкости в русском языке, ему трудно усвоить это различие. Что это — артикуляционный навык? — Конечно. Но артикуляционный навык, фонологически оцененный. Арабу объективно не трудно произнести русское [к'] в словах *Киев*, *кинуть*, но трудно отделаться от эмфатичности твердого [к] в словах *капать*, *кол*. И дело тут вовсе не в артикуляционной привычке, а в том, что его фонологический слух не воспринимает различие по твердости—мягкости. Для араба два различных [к] — явление того же порядка, что и различные [t, d, s, z], которые в его языке расщеплены на две фонологически самостоятельные единицы — «средние» [t], [d], [s], [z], [k] и эмфатические [t̤], [d̤], [s̤], [z̤], [k̤]. С фонетической точки зрения «средние» согласные весьма близки к русским мягким, и это, казалось бы, дает хороший отправной пункт для постановки русских звуков. Но что получится, если идти этим путем, отправляясь от «похожести» арабского [t] и русского [t'] и т. д.? Получится следующее: студент легко воспримет эту похожесть, которая к тому же не требует от него серьезных артикуляционных усилий, но тут же автоматически, подчиняясь фонологичности сходного различия в родном языке, осознает русские твердые не как твердые, а как веларизованные, эмфатические, поскольку для него не существует иного артикуляционного способа противопоставить два разных *t, d, s, z, k*. В результате оказывается, что «более простой» русский звук [t] арабу усвоить труднее, чем «более трудный» [t'].

Этот пример говорит о том, что при оценке звуков на «похожесть» и «легкость» нельзя руководствоваться одними артикуляционными критериями: необходимо исходить в первую очередь из системы фонологических отношений между звуками, которая по-своему сортирует физические и физиологические признаки звука, делая одни из них функционально значимыми, другие — второстепенными и сопутствующими. Борьба с иностранным акцентом должна начинаться с борьбы за развитие фонологического слуха, а это едва ли достижимо чисто механическим имитативным путем. В обучение взрослого студента следует вводить элемент сознательного отношения к фонетике усваиваемого языка, чтобы студент воспринимал звуковые особенности не как артикуляционную прихоть изучаемого языка, а как системно мотивированную необходимость, отступление от которой карается непониманием его речи. Это не означает забвения принятых в практике преподавания методов фонетической отработки звуков, так как не все артикуляционные особенности имеют фонологическую значимость, и иностранный акцент сказыв-

ваются также и в искажении фонологически несущественных признаков, например, в произношении фрикативного [ʏ] вместо взрывного [ɣ] в словах типа *город, гибель, гусь*, и это режет пуристический слух, но отнюдь не свидетельствует о «нерусском» происхождении говорящего,— более того, в ряде слов такое произношение до недавнего времени считалось нормативным. Ошибки такого рода лишь косвенно можно связать с фонологией, и устранение их ведется в «рабочем порядке».

Апробированный методикой путь от легкого к трудному также не вызывает никакого сомнения в своей эффективности — важно лишь правильно оценить, что является легким и что трудным. В этом, собственно, и состоит главная проблема методики преподавания. То, что трудно для одной аудитории, оказывается нетрудным для другой,— следовательно, только дифференцированный подход к категории учащихся позволяет найти объективную оценку относительной трудности фонетического материала. Значит ли это, что единственно возможной методикой обучения может быть только методика, основанная на двуязычном сопоставлении? И да и нет. Да потому, что такая методика является наиболее конкретизированной, она дает возможность учесть все конкретные ошибки и тем самым представить наиболее эффективные способы борьбы с ними. Но в последнее время все чаще на повестку дня выдвигается вопрос о создании так называемых «усредненных» пособий, рассчитанных на более широкий круг студентов, носителей разных языков. Это мотивируется трудностью охвата всех языков в рамках двуязычной сопоставительной фонетики, а также наличием определенных лингвистических фактов, которые носят характер универсалии. С этой точки зрения действительно можно говорить о разработке «усредненных» методик, но фонетическое пособие, построенное по этому принципу, вряд ли можно называть сопоставительной фонетикой, так как сопоставлять надо с чем-то конкретным, а не вообще с тем, что не является русским языком. Точнее было бы назвать такие пособия прогнозирующей фонологией русского языка, т. е. таким описанием, которое предсказывает определенные ошибки, могущие возникнуть у студентов с точки зрения русской фонологической системы. Ввиду того что в этом случае исчезает перспектива одного конкретного родного языка, эффективность борьбы с иностранным акцентом неизбежно должна понижаться. Зато наличие такого пособия позволяет строить единообразные практические курсы фонетики, а кроме того, «усредненная фонетика» русского языка служит хорошим справочником для преподавателей, имеющих дело с разными языковыми аудиториями.

Но создание таких пособий — пока что дело будущего,

работа в этом направлении только начинается. По-прежнему высока потребность и в обычных двуязычных руководствах, которых создается много и все-таки не хватает. Все эти руководства и учебники методически строятся с позиций русского языка, и этот принцип, по-видимому, будет основным, особенно при создании «усредненных» пособий. В связи с этим возникает задача наиболее разумного расположения материала, причем преследуются две цели: с одной стороны, необходимо соблюсти методический принцип восхождения от более легкого к более трудному, с другой стороны, целесообразно стремиться к тому, чтобы материал не был распылен и выдерживалась систематичность, соответствующая реальной системной организации фонетики. Решение этих задач и приводит к созданию практической фонологии как базы для построения разного рода сопоставительных учебных пособий.

Основной единицей фонологической системы является противопоставление (оппозиция) фонем. Однако в задачу практической фонологии не входит описание всех возможных в языке оппозиций, число которых слишком велико. Поэтому в обучение включаются лишь те оппозиции, которые по тем или иным соображениям можно считать основными. При этом неизбежно некоторое огрубление фонетической картины, поскольку описание строится с позиций русского языка, а в конкретных двуязычных ситуациях может оказаться необходимым специальное рассмотрение таких оппозиций, которые в рамках русской фонологической системы являются непоказательными. Например, в польской аудитории особое внимание придется уделить таким противопоставлениям согласных, как /t'/ — /ч/, /c'/ — /ш'/ в словах типа *тетка* — *четко*, *весь* — *вещь*, потому что польская фонологическая система характеризуется отсутствием палатального /ч/ и мягкого свистящего /c'/, в результате чего поляк склонен произносить в первой паре свой звук [c'], [ciotka], во второй — звук [š], [wieś]. Все аналогичные трудности, обусловленные конкретной языковой аудиторией, должны учитываться при построении учебного курса, и поэтому общая схема расположения русского фонетического материала будет в отдельных случаях перекраиваться. Но эти попутные добавления и изменения не затрагивают ключевой последовательности фонетических тем, которая строится исходя из логики русской фонологической системы.

Ядро всякой фонологической системы образуют те противопоставления, которые Н. С. Трубецкой определил как корреляции, т. е. минимальные различия, в основе которых лежит наличие или отсутствие одного дифференциального признака. Примером корреляций могут служить противопоставления русских согласных по глухости—звонкости или твердости—мягкости. Важной особенностью корреляций яв-

ляется их пропорциональность, т. е. например, /п/ так относится к /б/, как /т/ к /д/, как /к/ к /г/ и т. д. Эта особенность позволяет сразу ориентировать студента на целую серию фонем, сходных в отношении какого-то признака. Тем самым внимание студента не рассеивается на отдельные звуки, а сосредоточивается на подсистемах, из которых складывается фонологическая система русского языка. Чем выше пропорциональность корреляции, тем большее число фонем вовлекается в данную подсистему, так что, усваивая, например, различие по глухости—звонкости для фонем /п/—/б/, студент отдает себе отчет в том, что этот признак не является свойством только данной пары, а характеризует целый класс однородных в этом отношении единиц. Знание этого факта помогает осознать существенность признака глухости—звонкости для русского языка, а перекрестные аналогии пар *п—б*, *т—д* и т. д. способствуют лучшему усвоению каждого конкретного звука. Таким образом, основной принцип в подаче фонетического материала состоит в том, что вначале вводится класс однородных по некоторому признаку звуков, фиксируется внимание на функциональной значимости этого признака, а затем изучаются конкретные звуки, входящие в данный класс, путем проведения фонетической аналогии между коррелятивными парами звуков.

Из сказанного следует, что во избежание серьезных языковых ошибок в речи студентов внимание преподавателя с первых шагов должно фиксироваться на правильном усвоении фонем языка, т. е. на тех комплексах артикуляционных особенностей звуков, которые позволяют различать фонемы. Но фонетическая работа этим не ограничивается, поскольку реальное существование фонемы получают в тексте в виде конкретных вариантов, обусловленных конкретными позициями. Поэтому позиционная система русского языка — это второй фонологический «кит», на котором покоится практика обучения произношению. В качестве третьего «кита» можно назвать просодическую систему, и в первую очередь ударение, коль скоро речь идет о русском языке. Необходимость самого серьезного внимания к вариативному уровню диктуется фактическим положением дел. Во-первых, число различаемых говорящими звуковых единиц намного превышает число фонем (по данным ленинградских фонетистов, русский аудитор оперирует восемнадцатью звуковыми типами гласных, хотя в системе содержится лишь пять гласных фонем). Это означает, что не только различительные признаки звука (служащие для противопоставления фонем) оказываются в поле нашего акустического внимания, но и признаки, различающие варианты одной фонемы, т. е. свойственные определенным позициям. Искажение этих артикуляционных признаков создает, так сказать, «позиционный акцент», — неуме-

ние выбрать правильный вариант фонемы, который требуется в данной позиции.

Во-вторых, первичная классификация звуков при текущем распознавании речи (особенно в опытах с быстрым повторением) не совпадает, как показали эксперименты Л. А. Чистович, с фонемной, и классы первичной классификации скорее могут быть отождествлены с вариантами фонем. Описанные особенности восприятия звучащей русской речи свидетельствуют о том, что в целях борьбы с «позиционным иностранным акцентом» в учебный материал должны активно вводиться не только сведения о составе фонем и их коррелятивных отношениях, но и сведения об основных позициях, существенных для реализации русских фонем в виде конкретных звуков. Студент будет легче ориентироваться в море фонетической специфики русского языка, если он сможет сознательно различать артикуляционные особенности, свойственные конкретному звуку независимо от его окружения в речи, и артикуляционные особенности звука, обусловленные исключительно его положением в соседстве с определенными другими звуками или положением относительно ударного слога, относительно конца слова и т. п. Отсюда естественно возникает вопрос о подборе тренировочного фонетического материала, т. е. о тех контекстах, которые необходимы и достаточны для восприятия и распознавания русских звуков во всей полноте их артикуляционных особенностей.

В практике преподавания часто используется слоговая методика, причем нередко упражнения содержат «бессмысленные» искусственные слоги с добавлением «звуков-помощников», особенно при постановке так называемых «трудных» звуков. Однако слог — лишь необходимый, но не достаточный отрезок речи, позволяющий уяснить все стороны звукоупотребления. Многие важные фонетические закономерности можно обнаружить только в пределах слова, а то и целого словосочетания. Кроме того, «автоматизация произносимых навыков невозможна вне связной речи» (С. И. Бернштейн), т. е. вне последовательностей слов. Наконец, исследования Л. А. Чистович и др. показали, что в процессе восприятия речи отрезки, о которых принимаются решения, равны примерно 7 ± 2 слогам, т. е. фактически соответствуют словам. Таким образом, всегда предпочтительнее давать фонетические упражнения на материале слов, это повышает и заинтересованность студентов в чисто фонетической работе и позволяет наглядно убедиться в словоразличительных функциях фонем и их признаков. Но слоговая методика также неизбежна, тем более, что языки могут заметно различаться по слоговым характеристикам, по правилам слогаделения. Относительно русского языка последние исследования ленинградских фонетистов позволяют говорить о фиктивности противопостав-

ления «открытый слог — закрытый слог» в середине слова. Этот результат может иметь большое методическое значение, так как позволяет снять с повестки дня проблему слогаделения в группах согласных и дать возможность единообразно представлять слова в виде последовательности открытых слогов (исключение составят лишь сочетания с *й*, где он всегда примыкает к гласному, например, *стой-ка, мой-ка, чай-ка*). Ввиду того что позиция в слоге или в слове накладывает определенный отпечаток на реализацию звука, целесообразно начинать обучение фонетике с предварительного сообщения об основных особенностях структуры слова и слога в русском языке и о характере русского ударения.

Содержание практической фонологии, равно как и разработка на ее основе сопоставительной фонетики, может включать следующие моменты:

1. Структура слова и слога.
2. Характер ударения. Здесь существенны такие свойства: а) грамматическая подвижность (как в русском языке) — фонологическая подвижность (как в польском) — неподвижность (как в чешском, венгерском); б) вид ударения (динамическое — тоновое, с дополнительными признаками), в) тип ударения (сильноцентрализующее, как в русском, или слабоцентрализующее, как во французском).

3. Фонемика: набор существенных дифференциальных признаков и построенные на них оппозиции фонем, в первую очередь корреляции.

4. Система позиций, существенных для реализации фонем.

5. Синтагматическая тактика (законы вариативности).

6. Фонематическая комбинаторика: а) законы сочетания согласных, б) характер аккомодации между гласными и согласными.

Такой в общих чертах может быть последовательность и учебного фонетического материала с учетом тех особенностей, которые создает конкретная языковая аудитория и которые требуют методических поправок к этой общей схеме.

§ 3. ВОПРОС О ФОНЕТИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ

Вопрос о «минимуме» и «максимуме» применительно к фонетике является до некоторой степени искусственным. В действительности речь может идти о разных задачах, стоящих перед обучением. Но в любом случае надо учитывать устойчивость иностранного акцента, изжить который можно лишь после длительной и систематической тренировки. Поэтому подход к разработке курсов обучения должен, видимо, основываться не столько на тезисе «что студент должен

уметь делать», сколько на тезисе «чего студент должен уметь не делать». Иными словами, от минимального фонетического курса следует требовать одного результата: научить студента сознательно предупреждать существенные ошибки. Это означает, что преподаватель с самого начала должен отдавать себе отчет в том, какие ошибки являются существенными. Зная это, нетрудно найти наиболее подходящий лингвистический и методический аппарат, обеспечивающий решение поставленных задач. Разумеется, степень существенности ошибок в значительной мере определяется самой целью обучения: одно дело подготовить студента к чтению русской литературы, другое — научить его разговорному языку. Роль фонетической части обучения в каждом случае будет различной. Но даже при установке на привитие навыков устной речи проблема фонетического минимума в конечном счете упирается в проблему существенных ошибок.

При всем многообразии конкретных ошибок все они группируются, как было определено выше, в два основных типа: языковые и речевые. Оценка их с точки зрения существенности, если исключить влияние целевой установки обучения, целиком определяется языковой терпимостью коллектива, которая в свою очередь ограничена порогом смысловой (лексико-грамматической) понятности высказывания. В этом отношении речевые ошибки можно считать несущественными. К такого рода ошибкам относятся артикуляционные искажения, не выходящие за рамки фонетических вариаций, т. е. в смысловом отношении бессодержательных видоизменений звука. Языковое сознание оценивает эти ошибки как несущественные потому, что каждый язык характеризуется наличием того явления, которое А. Мартине называет областью рассеивания фонемы в речи. Вариации звука, входящие в область рассеивания одной фонемы, могут весьма различаться между собой (ср. вариации фонемы /а/ в русском языке от передней [ä] в слове *зять* до задней [a] в слове *зал*). Единственное ограничение, накладываемое на этот «звуковой разброс», состоит в том, чтобы ни одна из вариаций не вышла за пределы данной области рассеивания и не попала в область рассеивания другой фонемы. В противном случае звуковое варьирование окажется сигнификативно содержательным, так как нарушится фонемная и, следовательно, смысловая различимость, т. е. пострадает понятность высказывания, а это уже превышает порог языковой терпимости. Ошибки, возникающие в результате смешения областей рассеивания, относятся к разряду языковых и оцениваются как существенные по сравнению с речевыми.

Однако среди самих языковых ошибок бывают более существенные и менее существенные. Ошибки в норме, т. е. в выборе канонического варианта, конечно, не столь существен-

венны, как ошибки, связанные с неразличением инвариантов (фонем). Вместе с тем решение вопроса о необходимости специального методического акцента на этих менее существенных языковых ошибках отнюдь не лежит на поверхности, если обсуждение ведется в жестких рамках фонетического минимума. Как было замечено А. А. Реформатским, понятие фонетического минимума двусмысленно в том отношении, что остается непонятным, в какой мере оно включает (и включает ли) понятие «произносительного минимума». Казалось бы, естественно уравнивать эти понятия, если речь идет об обучении устной речи и произношению, но тогда неясно, где граница между обычным содержанием фонетического курса и тем, что называют фонетическим минимумом. По-видимому, различие между ними окажется скорее количественным, т. е. связанным с объемом тренировочной части, выражаемой в количестве упражнений и учебных часов. Пожалуй, единственный фонологический аспект, позволяющий качественно ограничить минимальный курс — это дистрибутивная структура, т. е. законы звукосочетаний: здесь можно на первых порах ограничиться наиболее частотными комплексами, встречающимися как в начале, так и в середине слова, а также комплексами, чередующимися с отдельными фонемами, поскольку эти чередования в какой-то мере подготовят студента к усвоению некоторых морфологических парадигм (см. такие чередования, как *ездить*—*езжу* [еж'у], *пустить*—*пущу*, *любить*—*люблю*, *терпеть*—*терплю*). Что касается интонации, то этот вопрос здесь не обсуждается, поскольку интонация как признак предложения либо входит в «синтаксический минимум», либо составляет особую тему обучения.

В проблеме фонетического минимума имеется и другой важный аспект — соотношение фонетического минимума с грамматическим и особенно лексическим. В самом деле, как в языке фонологический ярус играет подчиненную роль по отношению к ярусам грамматики и лексики, так и в обучении языку фонетическая часть не может иметь самодовлеющего значения и не должна вступать в противоречие с процессом усвоения грамматического и лексического материала. Этот вопрос из области «стратегии обучения» в практическом плане является едва ли не самым трудным. Не следует ли вообще «извлекать» фонетический минимум из лексического? Такой путь в принципе допустим, но при условии, что словарь-минимум гарантирует выраженность в нем основных фонологических противопоставлений, без изучения которых невозможно эффективное исправление и предупреждение языковых ошибок. А между тем такая гарантия вовсе не очевидна, особенно в отношении минимальных фонетических пар, представляющих наиболее благодарный материал для коррекционного обучения фонетике. И если словарь-минимум

не дает всего необходимого для фонетики материала, что предпочтительнее в таких случаях — действовать по слоговой методике или все-таки вводить реальные слова, отражающие нужные минимальные противопоставления, но не входящие в лексический минимум? Как было сказано в предыдущем параграфе, метод словарной иллюстрации на фонетических уроках в конечном счете продуктивнее в смысле стимулирования студента, и фонетист должен расценивать лексический минимум не как жесткую директиву «сверху», а как рекомендацию, допускающую некоторую инициативу «снизу». Можно было бы представить и другой путь — расширить лексический минимум настолько, чтобы он содержал хотя бы по одной минимальной паре на каждую фонологическую оппозицию. Но поскольку такое расширение может оказаться весьма значительным, возникает опасность того, что лексический минимум перестанет отвечать своему определению. В настоящей работе избирается третий путь: иллюстративный фонетический материал сгруппирован в тематически упорядоченный словарь минимальных пар, который прилагается к практической фонологии русского языка. Отбор материала при этом определялся одним соображением — обеспечить достаточную базу для иллюстрации звуковых различий русского языка. Словарь минимальных пар заведомо не равен лексическому минимуму и предполагает возможность произвольного выбора примеров, подходящих в каждом конкретном случае.

Практическая фонология и словарь минимальных пар является основой фонетического минимума. Если считать, что его основная задача — обеспечить усвоение основ русского произношения, т. е. умение исправлять и предотвращать грубые фонетические ошибки, то вряд ли разумно делать на этом этапе всю ставку на то, «чтобы произношение было... живой речью и чтобы это была не акцентно исковерканная, а натуральная русская речь» (А. А. Реформатский). Данная задача и понятие фонетического минимума просто несовместимы, так как последний предполагает игнорирование речевых ошибок, а также некоторых языковых ошибок, относящихся к норме (и уж, конечно, колебания в самой литературной норме должны быть изъяты из содержания обучения как в «минимуме», так и в «максимуме»). Относительно конкретного содержания фонетического минимума можно сказать следующее. Прежде всего, он не содержит не только всех имеющихся в языке противопоставлений, но даже всех тех противопоставлений, которые могут стать объектом изучения в более пространным курсе. Такая компрессия тематического материала оказывается возможной благодаря наличию некоторых универсальных характеристик, свойственных всем или подавляющему большинству языков. Как показали типологи-

ческие исследования Р. О. Якобсона и М. Халле, в основе всякой фонологической системы лежит так называемый первичный треугольник, представленный для гласных фонемами (точнее, звуковыми типами, или областями рассеивания) $a-u-i$, для согласных — фонемами (звуковыми типами $p-t-k$). Это значит, что наличие признака высоты (раствора) и рядности у гласных и признака места образования у согласных является универсальным. Следовательно, эти противопоставления, а также некоторые другие, например, $t-n-s$, известны почти всем языкам и не требуют специального фонологического понимания, вследствие чего их можно исключить из фонетического минимума как самостоятельные темы изучения. Они становятся готовыми опорными пунктами для усвоения остальных звуковых единиц. К примеру, в системе русских гласных можно лишь указать на минимальные пары с $u-a$, $a-u$, но зато сосредоточить большее внимание на фонемах /e/, /o/, особенно при работе с носителями тех языков, где звукотипы /o/, /e/ не образуют самостоятельных фонем, а входят в область рассеивания других фонем, как например, в арабском, где [e] и [o] включаются на правах вариаций в зону /a/. Учет фонетических универсалий необходим не только при определении фонетического минимума, но и при разработке «усредненной» сопоставительной фонетики, о которой говорилось выше.

Сжатие материала фонетического минимума за счет позиционной фонетики, т. е. вариантов фонем, необходимо согласовать с конкретными трудностями, которые могут быть обусловлены как спецификой самой русской фонетики, так и особенностями родного языка студентов. Так, противопоставление $i-u$ является универсальным и может быть исключено из основного содержания обучения, но зато вариант русской фонемы /и/ после твердых согласных, т. е. [ы], образует объективную трудность, так как экспериментально показано, что при исследовании самостоятельности русских звуков в процессе восприятия, т. е. их относительной распознаваемости, в наиболее выгодном положении оказывается фонема /a/, а хуже всего распознаются варианты [ы] и [у]. Это обусловлено тем, что характеристики различающей их второй форманты (соответствующей признаку ряда) весьма близки друг к другу, чего нет при восприятии вариантов [и]—[у]. Поэтому оппозиция /и/—/у/, построенная на признаках ряда (периферийности, по современной терминологии), подкрепляется еще и признаком огубленности (бемольности), который избыточен с фонемной точки зрения, но существен с точки зрения вариативной, различая звуки [ы] и [у]. Понятно, что усвоение верхне-среднего варианта фонемы /и/ должно сочетаться с усвоением твердых согласных, т. е. усвоение следствия сопровождается усвоением причины.

Таким образом, и в рамках фонетического минимума нельзя ограничиться изучением одних веховых единиц — фонем, а необходимо вводить материал вариативного уровня. В значительной мере «программа-минимум» будет, следовательно, совпадать с тем, что охватывается практической фонологией. Изъятие определенных тем по «позиционной фонетике» не может определяться какими-то раз навсегда данными рекомендациями. Если, например, в польской аудитории можно не изучать оглушение звонких согласных в конце слова, то английским студентам необходимо указать на данный позиционный закон русской фонетики. При этом экономия материала и времени может достигаться за счет, если можно так выразиться, недоговоренности: обратив внимание студентов на запрещающий позиционный закон, согласно которому в конце слова все твердые согласные остаются твердыми независимо от твердости или мягкости начала следующего слова, преподаватель тем самым дает студентам возможность сделать вывод о допустимости смягчения твердых согласных в сочетании с мягкими в середине слова. И если при этом в произношении студента будут, например, смягчаться твердые губные (в словах типа *мне, пни, вниз*), то такие ошибки, по крайней мере в начальном курсе обучения, вполне пренебрежимы.

ОБЩАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. СТРУКТУРА СЛОВА И УДАРЕНИЕ

При изучении фонетики русского языка слово представляет интерес прежде всего с точки зрения своего слогового состава. Слог — это такой минимальный отрезок речи, который характеризуется артикуляционной спаянностью входящих в него звуков и имеет единственную вершину звучности, в русском языке представленную только гласной. В практическом плане учет слоговой структуры слова необходим при усвоении русских гласных.

Реализация гласных зависит от следующих моментов:

1. Входит ли гласная в ударный слог или нет, и если нет, то в какой слог по отношению к ударному она входит.
2. Для гласных неударных слогов существенно, является ли слог прикрытым (в случае предударности слога).
3. В слоге любого типа существенны особенности входящих в него согласных, особенно согласных, предшествующих гласному элементу слога.

Третий пункт объясняется тем, что русский язык принадлежит к типу языков с консонантной доминацией в слоге, т. е. активным элементом внутрислоговой аккомодации является согласный, влияющий на качество гласного. Это обстоятельство заставляет в следующем ниже описании начинать с системы согласных и затем переходить к гласным, так как последние определяются через первые.

Остальные пункты объясняются характером русского ударения. В фонетическом отношении оно определяется как динамическое и сильноцентрализующее, следствием этой особенности является редукция гласных, находящихся в неударных слогах. Степень редукции зависит от положения данного слога по отношению к ударному. Редукция состоит в депрессии артикуляции, т. е. в невыраженности некоторых артикуляционных признаков, которые свойственны тем же звукам в ударном слоге. Каждое слово имеет единственное ударение, но в разных формах слова ударение может занимать разные места. Это свойство ударения называется подвижностью. В понятии подвижности ударения различают две стороны, что зависит от того, в каком плане рассматривается структура слова. Помимо разложимости на слоги, слово обладает способностью разлагаться на морфологические компоненты — морфемы (корень и аффиксы). Если место ударения в слове определяется применительно к морфемному его строению, то говорят о грамматической подвижности ударения. В этом случае разные грамматические формы одного и того же слова могут характеризоваться разным ударением — в одних случаях наосновным, в других нафлексивным; например, слово *дом* в единственном числе во всех падежах имеет наосновное ударение (*дом—дóма—дóму—домом—доме*), а во множественном числе — нафлексивное (*домá—домóв—домáм—домáми—домáх*). Наряду с грамматической подвижностью русское ударение обладает свойством фонологической подвижности, т. е. такой разноместности, которая определяется по отношению к слоговому составу слова. В однокоренных словах (и даже в разных формах одного и того же слова) ударение может оставаться неизменным в смысле грамматической подвижности (т. е. связанным с той же морфемой), но быть различным в смысле фонологической подвижности (т. е. падать на разные слоги в пределах одной и той же морфемы). Благодаря фонологической подвижности возникают варианты грамматического ударения; например, в словах *зóлото—позóлта* ударение удерживается в обоих случаях на корневой морфеме *золот-* и является поэтому наосновным (баритонированным), но с фонологической точки зрения ударение этих слов разное, поскольку падает на разные слоги.

Фонологическая подвижность ударения в русском языке непосредственно связана с редуktивными явлениями: она

обеспечивает чередование ударности и безударности слога в формах одного слова (или в однокоренных словах), т. е. чередование гласных полного образования с их редуцированными вариантами. На этом основан известный школьный прием «проверки» безударного гласного путем подыскания такой формы или такого однокоренного слова, в котором слог, содержащий интересующий нас гласный, находится под ударением. Таким образом, сильноцентрализованность русского ударения, выражающаяся в редукации неударных слогов, компенсируется его фонологической подвижностью, выражающейся в чередовании «сильных» и «слабых» вариантов гласных фонем. Взаимосвязанность этих двух характеристик ударения понятна: если ударение сильноцентрализованное, т. е. вызывает редукацию слогов, должен существовать какой-то способ различать редуцированные гласные, и это обеспечивается тем, что редуцированные «звуки-омонимы» расщепляются на два разных звука по признаку вхождения в разные чередования. Например, в русском языке звук [a] в неударном слоге фонологически двусмыслен, так как может отражать и фонему /a/, и фонему /o/. Но благодаря фонологической подвижности ударения оказывается возможным расщепить этот звук на два «омонима», входящие в разные чередования: [a₁]/[á], [a₂]/[ó], ср. [тра₁vá]/[тра́вы] и [за₂р'á]/[зóр'и]. Итак, если язык обладает позиционной редукацией слогов, он должен обладать фонологически подвижным ударением.

В этом отношении к русскому языку весьма близок английский, также обладающий редукацией гласных и подвижным ударением. Главное отличие редукативной панорамы русского слова от английского состоит в обратном распределении степеней редукации. В русском языке редукация слогов строится по принципу затухающей динамичности, когда наиболее сильный слог — ударный (степень редукации 0) — противопоставлен первому предупредительному (степень редукации 1) и остальным слогам (степень редукации 2). В целом редукативная схема русского слова такова: 2—1—0—2; исключение составляют неприкрытые начальные слоги (т. е. начинающиеся с гласной), для которых степень редукативности всегда равна 1, ср. *обижать* [аб'ижáт'] — *добежать* [д'б'ижáт']. В английском слове, напротив, редукация слогов строится по принципу фокусировки динамичности: максимальная степень редукации представлена в слогах, непосредственно примыкающих к ударному, т. е. редукативная схема английского слова выглядит симметричнее: 1—2—0—2—1. Сопоставление русской и английской редукативных моделей можно изобразить графически (рис. 1).

Как видим, редукационная кривая русского языка (для случаев прикрытой инициали слова) совпадает с английской

лишь в одном пункте — в первом заударном слоге. Перенесение редуционного автоматизма родного языка на изучаемый представляет одну из наиболее ярких примет английского акцента в русском произношении.

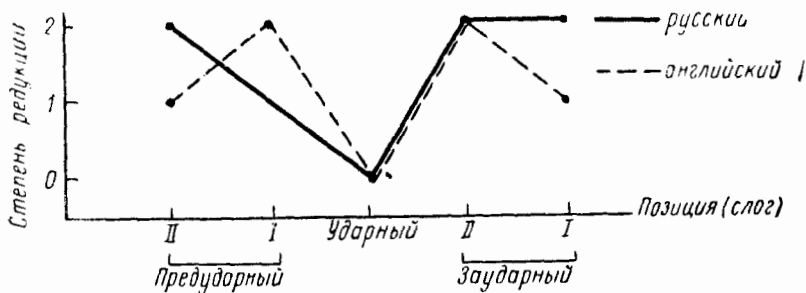

Рис. 1

Мы рассмотрели примеры того, как учет слоговой структуры слова и ударения отражается на усвоении русской фонетики. Но в ряде случаев необходимо принимать во внимание также морфологическую структуру слова, а именно — характер стыка морфем внутри слова. Этот признак важен для описания сочетаний согласных, которые заметно различаются в зависимости от того, стык какого рода морфем порождает данные консонантные сочетания. Например, сочетание одних и тех же звуков [т] и [с] реализуется неодинаково: при стыке префикса и корня имеем сочетание [тс], при стыке корня и суффикса происходит ассимилятивное стяжение этого сочетания в один звук [ц], который фонологически не равен звуку [ц], представляющему фонему /ц/; такое явление может возникать в известных случаях и внутри одной морфемы, когда согласные, бывшие в одной форме слова разделенными гласным, в других формах «теряют» этот гласный (случай так называемых «беглых гласных»), в результате чего два согласных оказываются в непосредственном контакте и происходит преобразование их в однозвучной элемент. Сравним такие слова, как *подсадить*, *братский*, *отца*. В первом слове на стыке префикса *под-* и корня *сад-* образуется звукосочетание [тс], во втором слове на стыке корня *брат-* и суффикса *-ск-* появляется звук [ц], соответствующий не фонеме [ц], а двухфонемному сочетанию /тс/, что ясно из форм *брат* и *царский*; в третьем слове *отца* [а́ца] имеем звук [ц], длительность которого указывает также на двухфонемное его происхождение из формы *отец* в результате опущения «беглого е», т. е. чередования *е* с нулем, что является сопутствующим признаком склонения определенной группы слов. Разобраться во всех подобных звукоизменениях невозможно без учета

морфемной структуры слова, и следовательно, фонетическая тема «Сочетания согласных» должна быть согласована с изучением грамматики русского языка, поскольку некоторые консонантные сочетания, чередующиеся с простыми звуками, используются, как было сказано выше, в грамматических целях при словоизменении,— например, при спряжении глагола. Поэтому сочетание согласных рекомендуется изучать на последних этапах фонетического курса, когда студенты получают уже некоторый минимум грамматических знаний.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Изучение фонетики любого языка не сводится только к «артикуляционной настройке», но необходимо предполагает усвоение системы, лежащей в основе звукового разнообразия. Звук, осмысленный как элемент звуковой системы, становится фонологической единицей — фонемой, от которой требуется лишь одно — быть отличимой от любой другой единицы данной системы. Эта отличимость достигается путем фиксации языковым сознанием некоторых признаков, которые являются необходимыми для однозначного распознавания каждой отдельной фонологической единицы. Таким образом, с точки зрения фонологии не все артикуляционные признаки звука оказываются также и различительными (дифференциальными) признаками фонемы, которой этот звук соответствует. Фонема «артикуляционно беднее» звука в том смысле, что она означает совокупность существенных признаков и служит как бы идеальным эталоном, контролирующим звуковое разнообразие и варьирование в речи. Такое контролирование необходимо для того, чтобы не нарушалось понимание высказывания, поэтому говорят, что фонемы — это смысловоразличительные звуковые единицы.

Фонема — обобщенный символ определенной вариационной зоны, колебания в пределах которой не отражаются на понимании произнесенного. При овладении вторым языком студент должен прежде всего усвоить различие фонемных областей, чтобы артикулирование отдельных звуков сознательно связывалось им с выражением определенного смысла. Контролирующую функцию фонемы можно пояснить таким примером. Для регулировки уличного движения используются трехцветные светофоры, в которых каждый цвет имеет определенное значение. Любой водитель знает, что красный свет, в отличие от зеленого, означает запрещение движения. Предположим, что вместо обычного ярко-красного цвета в одном из светофоров используется розовый или малиновый оттенок. Повлияет ли это на соблюдение порядка на улице? Конечно, нет, потому что водителям и пешеходам важно знать только

одно: зеленый свет разрешает движение,— следовательно, если свет не зеленый, то движение не разрешается. В качестве запрещающего сигнала используется красный свет, но конкретный оттенок не имеет значения, если мы можем понять, что имеется в виду сигнал запрещения движения. Важен, таким образом, основной существенный признак сигнала — его «красность», в отличие от «зелености». Непривычный оттенок красного света светофора может привлечь наше внимание именно своей непривычностью, но мы не скажем, что свет «неправильный» с точки зрения того «значения», которое он должен символизировать. Аналогичную, только более сложную, функцию выполняют признаки, объединяемые в фонему языка. Для русского фонологического слуха в произношении, например, звука [т] не все артикуляционные признаки равноправны: мы можем «простить» произношение не зубное, а постальвеолярное [т], не чистое, а придыхательное [т^х], потому что эти оттенки произношения не искажают значения того слова, в котором находится данный звук, хотя и заставляют нас констатировать необычность произношения. Но язык «не прощает» произнесения [д] или [т'] вместо [т], потому что для русского языка [дом] не то же самое, что [том], а [т'омный] (*темный*) не то же, что [тómный]. Это означает, что признаки, отличающие [т] от [д], [т] от [т'] и т. д., существенны, т. е. образуют в совокупности разные фонемы языка — твердую /т/, в отличие от мягкой /т'/, глухую /т/, в отличие от звонкой /д/ и т. п.

Но любой существенный фонологический признак имеет две стороны функционирования. Помимо функции различения фонем, признак несет функцию объединения фонем в группы, или классы. Например, определив «что глухость отличает /т/ от /д/ (речь идет о минимальных различиях), /п/ от /б/, /к/ от /г/ и т. д., мы тем самым включаем /т/, /п/, /к/ в один класс глухих согласных, которые между собой различаются уже по другим признакам. Каждый новый признак есть новое основание классификации, так что можно сказать, что дифференциальный признак вводит некоторую фонологическую категорию. Языки различаются на фонетическом уровне именно различным набором существенных для них фонологических категорий. В двух языках какие-то звуки артикуляционно могут весьма походить друг на друга, но их положение в системе при этом будет различно, т. е. они будут входить в разные фонологические категории. Отсюда возникает трудность освоения «похожих» звуков, которая связана не столько с правильным артикуляционным воспроизведением, сколько с осознанием существенных отличий этих звуков как представителей определенных фонем от других звуков, представляющих другие фонемы. Скажем, в родном языке студента имеется фонема /ш/, артикуляционно близкая к со-

ответствующей фонеме русского языка, но отсутствует фонема /ж̄'/. Это обстоятельство затрудняет усвоение фонемы /ш/, несмотря на фактическое совпадение звуков [ш], так как в русском языке фонема /ш̄'/' входит в категорию глухих, противопоставляясь звонкой /ж̄'/. Если обратить внимание студента на категориальность этого различия, он скорее усвоит правильную оценку соответствующей артикуляции, особенно если его родному языку известно различие по глухости — звонкости в других фонемах.

Нередко трудности возникают вследствие наложения позиционных законов родного языка на язык изучаемый: оба языка могут обладать одной и той же фонологической категорией, но реализация входящих в эту категорию фонем в разных позициях в слове будет различной. Например, немецкому языку известно фонологически значимое различие звуков [s] и [z], но в начале слова перед гласными нормальным является произношение [z], и эта позиционная особенность может переноситься на русское произношение. В таких случаях простая ссылка на фонологичность различия [c]—[z] в русском языке недостаточна, а необходимо определить позиции, которые влияют или не влияют на выбор конкретного звука, входящего в данную фонологическую категорию. Таким образом, охарактеризовать фонологическую систему языка — это значит указать основные дифференциальные признаки, вводящие категории фонем, и указать позиции, в которых эти фонемы выступают.

Позиции фонемы в слове бывают двоякого рода — сильные и слабые. Сильной считается та позиция, в которой фонема не смешивается ни с одной другой фонемой, т. е. разным фонемам соответствуют разные звуки. Если это условие не выполняется, то позиция, в которой фонемы совпадают в одном звуке (варнанте), называются слабыми. В каждом языке системе фонем соответствует система позиций, и обе эти системы в равной мере должны учитываться при обучении произношению. Чтобы установить тождественность фонем, необходимо принимать во внимание тождество морфем, в состав которых входит фонема. При этом важно разграничить случаи, когда одна и та же морфема появляется в разных фонетических вариантах, обусловленных фонетической позицией звуков, и те случаи, когда одна и та же морфема имеет разные варианты по чередованию, не связанному с конкретной фонетической позицией. В первом случае морфема будет иметь одинаковый состав фонем, хотя и не одинаковый звуковой состав; во втором случае морфема будет иметь разный фонемный состав при разном звуковом составе. Например, в словах *лёд* и *лёт* имеются разные корневые морфемы <л'од-> и <л'от->, которые в приведенных формах не

различаются, так как имеют в произношении один и тот же звуковой состав [л'от]. Конечный согласный отражает различие двух фонем /д/ и /т/, которые находятся, следовательно, в слабой позиции. Мы убеждаемся в том, что это разные фонемы, хотя и представленные одним звуком, путем обращения к другим формам приведенных слов, например, *на льду* и *на лету*. Здесь фонемы /д/ и /т/ четко различаются, так как оказываются в сильной позиции. Поэтому в звуковом комплексе [л'от] мы различаем два разных варианта: [л'от]₁, объединяемый с морфемой <л'од-> в форме *льду*; [л'от]₂, объединяемый с морфемой <л'от-> в форме *лету*. Поскольку эти варианты обусловлены слабой фонетической позицией, мы заключаем, что [л'от]₂ и [л'иту] — одна и та же морфема с согласной фонемой /т/. Различие гласных в этих морфемах подчиняется разным правилам: если согласные /т/—/д/ в обоих случаях связываются с чисто фонетической позицией, то «исчезновение» гласной /о/ в первом слове не вызвано позицией, а регулируется морфологическим правилом склонения этого слова, тогда как во втором слове изменение гласной — чисто позиционное, обусловленное положением в безударном слоге после мягкой согласной. Поэтому формы *лед*—*льда* находятся в морфологическом чередовании, и корневая морфема представлена двумя вариантами с разным составом гласных фонем: в форме *лед* имеется гласная фонема /о/, в форме *льда* — «нулевая гласная фонема». Примером разнофонемного состава чередующихся вариантов морфемы могут служить такие пары форм, как *бегу*—*бежать*, *рука*—*ручной*, где одна и та же морфема содержит в разных своих вариантах разные фонемы (г—ж в первой паре, к—ч во второй паре). Поскольку звуковое различие этих форм нельзя связать с влиянием фонетической позиции, мы говорим о морфологическом чередовании *фонем*, а не об одной фонеме, представленной разными звуками.

Не всегда оказывается возможным выяснить точный фонемный состав слова. В таких случаях основное внимание сосредоточивается на усвоении звукового состава, а фонологическая транскрипция обычно определяется орфографической традицией. Например, в слове *вдруг* конечный согласный звучит как [к], и мы не имеем возможности «проверить» фонемность этого звука ввиду отсутствия других форм с той же морфемой. С равным успехом можно было бы говорить здесь и о фонеме /к/, и о фонеме /г/. В фонологии в этом и подобных случаях иногда вводится так называемая гиперфонема, т. е. единица, большая, чем фонема, и отражающая групповую отличимость единиц в том смысле, что конец этого слова не выражен иными согласными, кроме к/г, а какая именно фонема из этих двух представлена, не известно. Однако в практике преподавания нет необходимости учитывать

гиперфонемную ситуацию, так как подобные слова не таят опасности быть смешанными с другими словами. Трудности в связи с ними могут быть чисто орфографического порядка ввиду «непроверяемости» двусмысленных звуков, как и в словах *собака, корова, баран*, где гласные первого слога находятся в аналогичном положении.

Основные фонологические категории русского языка (т. е. основные дифференциальные признаки и соответствующие им артикуляционные особенности) — это те категории, на которых необходимо фиксировать внимание студентов при овладении ими русским произношением. Подробнее они будут описаны ниже в соответствующих разделах. Не следует думать, будто все структурные особенности фонологической системы всегда специфичны для одного языка. Типологические исследования последних лет показали, что некоторыми свойствами должна обладать любая фонологическая система, другие свойства присущи большинству систем. Поэтому можно описывать фонемы любого языка, пользуясь одним и тем же набором различительных признаков, в котором лишь некоторые признаки окажутся совершенно излишними в применении к конкретным языкам. Гораздо большие различия наблюдаются в реализации фонем (точнее, их признаков) в конкретных позициях, и здесь уже трудно говорить о каких-то универсальных правилах. Общие законы установлены лишь для некоторых консонантных сочетаний. Все эти универсальные для разных языков моменты должны активно учитываться как при разработке сопоставительной фонетики с широкой ориентацией, так и в конкретных учебных курсах, рассчитанных на однородную в языковом отношении аудиторию.

В современной фонологии для описания фонетических систем используется набор признаков, установленных на основании артикуляционных и акустических исследований звуков, причем характеристика и номенклатура признаков давалась преимущественно в акустическом аспекте. Поэтому и фонологическая терминология заметно отличается от традиционной фонетической, ориентированной на артикуляционные особенности. Однако с точки зрения обучения произношению представляется более удобным пользоваться такой терминологией, которая более соответствует традиционной, поскольку фонетическая работа преподавателя идет как раз по линии артикуляционной отработки звуков. Другой особенностью фонологических признаков является применимость большинства из них как к гласным, так и к согласным, что обусловлено акустической базой их определения. В практической фонологии кажется предпочтительным раздельное описание гласных и согласных, что соответствует артикуляционно-фонетическому осознанию их различия. Но логическая природа признаков сохраняется бинарной, т. е. каждому признаку

приписываются только два значения — «наличие» и «отсутствие» (+ и —). Вводя тот или иной признак, мы осуществляем классификацию звуков по категориям.

Первое, наиболее общее разбнение звуков, состоит в разграничении гласных и согласных, известном всем языкам. Это разграничение осуществляется с помощью признака «гласность—согласность» (или «вокальность—консонантность»). Для категории гласных универсальным является различие по открытости, а для русского языка важно также учитывать различие по огубленности; эти признаки называются соответственно «компактность—некомпактность» и «лабиализованность—нелабиализованность». Наконец, гласные различаются по характеру подъема спинки языка; этот признак вводит категорию «низких» и «высоких» гласных. В категории согласных универсальны различия по месту и способу образования. Согласные, образуемые в конечной или начальной части речевого тракта, называются периферийными, остальные — непериферийными. Признаки способа образования вводят категорию смычных и несмычных фонем. Особую группу смычных согласных образуют резкие согласные, для которых характерно сочетание смычки с фрикцией. Особенно важны в русской фонологической системе категории глухих и звонких, твердых и мягких согласных. Замкнутый класс образуют сонорные согласные, для которых наличие голоса является недифференциальным признаком. Распределение фонем русского языка по основным категориям может быть изображено в виде следующей схемы (стр. 27).

I. НЕКОРРЕЛЯТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ СОГЛАСНЫХ

§ 1. СУЩНОСТЬ НЕКОРРЕЛЯТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ

Как было сказано выше, каждый дифференциальный признак вводит определенную категорию фонем, тождественных по данному признаку. Реализация входящих в категорию фонем в различных позициях позволяет обнаружить и зафиксировать те позиционные ограничения, которые накладываются на функционирование признака категории в речи. Но не все признаки подвержены таким ограничениям. Большинство из них оказываются устойчивыми, не допускающими варьирования; эти признаки вводят некоррелятивные категории фонем. Сущность их состоит, следовательно, в том, что они независимы от позиций, занимаемых фонемами в слове, т. е. они характеризуются абсолютной различимостью по данным признакам. В противоположность им имеются признаки, вводящие категории таких фонем, которые характеризуются неразличимостью в некоторых позициях. Эти признаки являются позиционно связанными, т. е. допускающими варьирование, и категории, вводимые ими, называются коррелятивными. Описание таких категорий должно обязательно включать перечень сильных и слабых позиций, в которых встречаются фонемы данных категорий в виде различных вариантов. Коррелятивная категория содержит такие фонемы, которые находятся в минимальном различии по отношению к фонемам противоположной категории, и это минимальное различие в определенных позициях устраняется (нейтрализуется). Противопоставление фонем, входящих в коррелятивные категории, называется корреляцией. Итак, если мы говорим, что какая-то фонема А образует корреляцию с фонемой Б, это означает, что они совпадают во всем, кроме одного признака, который и вводит коррелятивную ка-

тегорию, включающую фонему А и ей подобные, и коррелятивную категорию, включающую фонему Б и ей подобные.

В русском языке некоррелятивными фонологическими категориями являются категории, вводимые признаками периферийность—непериферийность, сонорность—несонорность, смычность—несмычность, резкость—нерезкость.

§ 2. КАТЕГОРИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ И НЕПЕРИФЕРИЙНЫХ СОГЛАСНЫХ

Различия по месту образования, которым соответствует фонологический признак периферийности—непериферийности, представлены в русском языке звуковыми типами [п]—[т]—[к] для смычных согласных, [м]—[н] для сонорных, [ф]—[с]—[х] для фрикативных (несмычных). Несонорные согласные образуют полную локальную цепь, в которой отражены все типовые точки артикуляции, а в сонорных имеется «пустая клетка», которая в других языках бывает заполненной заднеязычным носовым согласным [ŋ]. Крайние точки этих цепей образуют периферийные фонемы, различающиеся между собой по признаку губности. Этот признак по-разному выражен для смычных и несмычных, но это различие в степени активности губ является не фонологическим, так как оно не различает самостоятельных звуковых единиц: в русском языке лабиальные фрикативные — только губно-зубные, лабиальные нефрикативные (смычные и сонорные) — только губно-губные.

Приведенные звуковые типы можно назвать для русского языка первичными с типологической точки зрения, поскольку соответствующие звуки известны многим языкам. Изучение русских согласных может начинаться с этих первичных единиц, т. е. с /п/, /т/, /к/, /м/, /н/, /ф/, /с/, /х/. В качестве упражнений на данном этапе вполне достаточно набора слогов типа *на—та—ка, ма—на, фа—са—ха*.

Дальнейшее расширение репертуара согласных звуков в рамках описываемых категорий может быть представлено как расщепление непериферийных локальных типов, так как локальное разнообразие периферийных фонем в русском языке исчерпывается приведенными единицами. Для шумных согласных локальное расщепление сводится к тому, что тип [с] варьируется с помощью признака «дентальность—недентальность» в результате чего образуются две единицы [с] (дентальная) и [ш] (недентальная). Для сонорных согласных локальное расщепление первичного типа состоит в варьировании по признаку носовости плюс признак дентальности: при сохранении сонорности неназальность выражается в единицах [л] и [р], которые между собой различаются по денталь-

Примеры:

па́ра—та́ра—ка́ра
по́т—то́т—ко́т
мо́р—но́р
ра́ма—ра́на
ла́к—ра́к

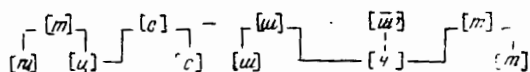
лу́к—ру́к
ло́м—ро́м
па́р—па́л
по́рка—по́лка
софа́—соха́
со́н—фо́н
са́н—ха́н

фа́ри—са́ра—са́хар
су́мка—шумна́
фа́рфо́р—хо́рош
суха́—су́ша
щу́тка—щу́ка
шей—щей
прошу́—прощу́

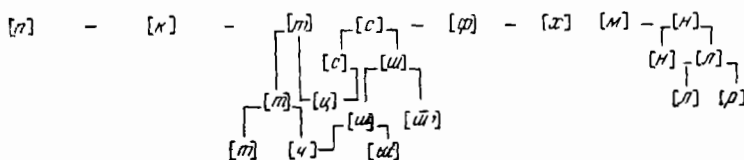
пушу́—пущу́
ка́шу—тащу́
ма́й—ма́х—ма́л—ма́к—ма́т
ма́ма—я́ма—ра́ма—ка́ма
я́р—ша́р—па́р

§ 3. КАТЕГОРИИ РЕЗКИХ И НЕРЕЗКИХ СОГЛАСНЫХ

В предыдущем параграфе была описана постепенная раз-
 вертка категорий периферийных и непериферийных согласных.
 Одновременно с изучением различий по месту образования
 в изучение неизбежно включаются различия по способу обра-
 зования — смычные согласные в противоположность не-
 смычным, сонорные в противоположность несонорным. По-
 этому нет необходимости специально останавливаться на
 противопоставлениях по смычности и сонорности; эти разли-
 чия могут косвенно включаться в изучение путем расширения
 тренировочной части курса. Но противопоставление по рез-
 кости требует специального внимания, поскольку не все язы-
 ки имеют соответствующие звуковые типы. В русском языке
 этот признак образует тройственные различия: резкий смыч-
 ный противопоставлен нерезкому смычному и нерезкому фри-
 кативному. По признаку места образования резкие согласные
 включаются в категорию непериферийных и могут рассмат-
 риваться как одновременное расщепление звуковых типов [т],
 [с] и [ш], в результате которого вводятся две новых фо-
 немых [ц] и [ч], различающиеся между собой по признаку
 дорсальности, как [с] и [ш], и по дополнительному (недиф-
 ференциальному) признаку палатальности, как [ш] и [ш']:

Объединение категорий периферийности — непериферийности и категорий резкости—нерезкости можно изобразить так:

Примеры:

<i>то́ком—со́кол—цо́кал</i>	<i>то́рты—плоты́—чо́рта</i>
<i>тума́н—су́мка—цум</i>	<i>тума́к—шум—чум</i>
<i>буты́лка—бу́сы—бу́тцы</i>	<i>щётка—чётко</i>
<i>сыр—цирк</i>	<i>плащ—плач—плато́к</i>
<i>то́пот—со́пка—цоп</i>	<i>та́ра—шар—чар</i>
<i>овса́—овца́</i>	<i>тур—Шу́ра—чур—цур</i>
<i>наба́т—бас—бац</i>	<i>ту́т—тушь—тучь</i>

К усвоению резких смычных целесообразно переходить после того, как усвоены соответствующие нерезкие (смычные и фрикативные). Но и этого может оказаться недостаточно. Например, поляки легко усвоят согласный [ц], но встретят значительные трудности при усвоении [ч]. Трудности усугубляются тем, что в польском языке имеется много слов, звучащих сходно с русскими и имеющих то же или близкое значение, вследствие чего поляку трудно отделаться от привычного их произношения. В одних из них он склонен произносить непалатальное [ч] польского языка, например, в словах *чи́стый, час, челове́к*, в других же — сильно палатализованное [тʲ], например, в *те́ло, ти́хий*. Иными словами в произношении поляка могут, во-первых, смешиваться [ч] и [тʲ], во-вторых, появляться «твердый» [ч] вместо «мягкого» [ч]. Поэтому при работе с польскими студентами может оказаться необходимой отработка [ч] не только на фоне категорий непериферийности и резкости, но и на фоне категории мягкости, к которой русское [ч] не имеет никакого фонологического отношения.

II. КОРРЕЛЯТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ СОГЛАСНЫХ

§ 1. МЕСТО КОРРЕЛЯТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОЙ ФОНОЛОГИИ

Среди разнообразных противопоставлений, в которые вступают фонемы, особую роль в системе играют противопо-

ставления того типа, которые называются корреляциями. Они образуют ядро всякой фонологической системы, так как устойчивость системы обусловлена развитостью ее корреляционных отношений, подверженных позиционному упорядочению. Корреляции как бы пронизывают всю систему, образуя стержневой остов, на который наслаиваются остальные типы отношений между элементами системы. Этой способностью корреляции обязаны тому важному свойству, которое определяется как пропорциональность (симметричность) противопоставления. Категории, построенные на коррелятивных признаках, отличаются исключительным единообразием и последовательностью внутренней структуры, что делает их особенно благодарным материалом в учебно-методическом плане. Достаточно указать одну корреляцию, и она автоматически вызывает ассоциации с целым классом однородных пар фонем, «нанизанных» на тот же признак. Эти пары характеризуются минимальным отличием входящих в них фонем, которое реализуется в сильных позициях и нейтрализуется в слабых. Поэтому описание коррелятивных категорий фонем сводится к описанию двух наборов позиций — позиций различения и позиций неразличения — и к установлению соответствия между ними. Соответствие между сильными и слабыми позициями выражается в фиксировании вариантов, обусловленных этими позициями. «Поведение» коррелятивных категорий в речи свидетельствует о том, что функционирование фонем в определенных случаях подвергается ограничению, имеющему запретительный характер. Это было сформулировано С. О. Карцевским, указавшим, что ограничение реализуется как несовместимость данного варианта и данной позиции, в результате чего происходит субституция (замещение) вариантов. Отсюда естественно сделать вывод, что позиция в языке имеет самостоятельное существование, и изучить язык — значит изучить не только его строевые единицы, но и его позиционную систему.

В русском языке в системе консонантизма взаимодействуют две корреляционные категории, соотносимые с признаками глухости—звонкости и твердости—мягкости. Корреляции твердых—мягких согласных — наиболее важные в русском языке по следующим причинам: 1) эти корреляции характеризуются максимумом пропорциональности и в данное противопоставление вовлекается 24 из 34 русских согласных, а если включить сюда и квазифонологические противопоставления твердых и мягких заднеязычных, то получим 30 фонем, т. е. почти весь консонантный состав; 2) различия по твердости—мягкости, хотя и являются «собственностью» консонантной системы, но затрагивают также гласные, чего нельзя сказать о других дифференциальных признаках согласных; в результате признак твердости—мягкости превращается в

характеристику целого слога, в равной мере существенную как для консонантной части, так и для вокальной. В типологическом отношении «мягкостная корреляция» образует яркую фонологическую примету русского языка, неизвестную многим языкам: если не считать славянских, то лишь некоторые языки знают спорадическое различие твердых и мягких согласных, например, венгерский, где имеются противопоставления [t]—[t'], [d]—[d'], [n]—[n']. Наличие двух носовых периферийных в ряде языков, в том числе французском и испанском, не свидетельствует о представленности в них корреляции по мягкости «русского типа», так как в русском языке это корреляция способа образования, а в названных языках — корреляция места, и, например, французское [ñ] есть результат локального расщепления звукового типа [n], дающего две фонемы, противопоставленные по локальному признаку палатальности. Поэтому в произношении иностранцев не только русские мягкие согласные звучат искаженно, но и русские твердые: в первых отсутствует необходимая палатализация, во вторых — веляризация. В этом отношении корреляция по твердости—мягкости может считаться более трудной по сравнению с корреляцией по глухости—звонкости, которая имеет более широкое распространение по языкам, хотя и нередко в переплетении с другими вторичными модальными корреляциями (термин Трубецкого) — такими, как напряженность—ненапряженность, придыхательность—непридыхательность. Исходя из фонологических соображений, следовало бы начать описание консонантизма русского языка с категории твердости—мягкости, однако типологические и методические соображения оправдывают обратный путь. В настоящем очерке анализ категорий твердых—мягких согласных завершает раздел консонантизма, поскольку признак палатализованности согласных имеет существенное значение для описания позиционного поведения гласных, и таким образом достигается последовательный переход от подсистемы консонантизма к подсистеме вокализма.

§ 2. КАТЕГОРИЯ ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ СОГЛАСНЫХ

По признаку глухости—звонкости допускают расщепление все локальные звуковые типы как периферийные, так и непериферийные. Следовательно, локальные признаки находятся в отношении свободной совместимости с признаком глухости—звонкости. Но этого нельзя сказать о модальных признаках (способа образования), так как на сочетание этих признаков с указанным признаком наложены определенные ограничения. Эти ограничения носят не позиционный, а системный характер, т. е. наличие ограничения выражается не

в замещении (чередовании) вариантов фонем, а в отсутствии определенных звуковых типов в системе фонем, иначе говоря, в наличии пустых клеток в системе. В ряде случаев эти пустые клетки могут заполняться на уровне вариантов; это означает, что звуковые типы, которые по логике системы могли бы занимать в ней соответствующие клетки, присутствуют в языке не в виде самостоятельных фонем, а только в виде позиционных вариантов тех фонем, с которыми они могли бы находиться в отношении корреляции. Наличие описанных системных ограничений объясняется тем, что и признак глухости — звонкости является по природе своей модальным, а на сочетание однородных признаков всегда накладываются ограничения как в системе, так и в речи, при сочетании звуков. Напротив, локальные признаки и признак глухости — звонкости являются неоднородными, что и допускает большую свободу их взаимной сочетаемости.

Сущность упомянутых ограничений сводится к тому, что категории сонорных и резких смычных согласных, а также [j] и [x], не имеют корреляции по глухости — звонкости. Для сонорных и [j] звонкость, т. е. наличие голоса, является внутренним, неразличительным признаком, так же как глухость — внутреннее свойство резких смычных и [x]. Эти единицы реализуются в речи соответственно как звонкие и глухие звуки, но как фонемы, т. е. члены смыслоразличительных противопоставлений, они находятся вне корреляции по глухости — звонкости. Это означает, что они не имеют соотносительных пар по этому признаку, что выражается в наличии пустых клеток — в отсутствии глухих сонорных, глухого [j], т. е. звукового типа, близкого к немецкому [ç] — *ich Laut*; в отсутствии звонких коррелятов [ц] и [ч], т. е. звуковых типов, аналогичных польским [dz] и [dź], и в отсутствии звонкого фрикативного [γ] парного с [x], представленного в украинском языке.

Первичное расщепление звуковых типов по признаку глухости — звонкости изображается следующим образом:

$$\begin{matrix} \uparrow [n] & - & \uparrow [m] & - & \uparrow [ŋ] & \uparrow [\varnothing] & - & \uparrow [c] & - & [x] & [ʃ] & - & [ʎ] & - & [p] & [j] \\ [n] [b] & [m] [d] & [ŋ] [z] & [\varnothing] [θ] & [c] [ɟ] & & & & & & & & & & & \end{matrix}$$

Примеры:

<i>пал</i> — <i>бал</i>	<i>там</i> — <i>дам</i>	<i>кóрка</i> — <i>гóрка</i>
<i>пот</i> — <i>бот</i>	<i>тóчка</i> — <i>дóчка</i>	<i>укóр</i> — <i>у гóр</i>
<i>пар</i> — <i>бар</i>	<i>гом</i> — <i>дом</i>	<i>крот</i> — <i>грот</i>
<i>пáвой</i> — <i>брáвой</i>	<i>тóнна</i> — <i>дóнна</i>	<i>кусты́</i> — <i>густы́</i>

упóр—убóр
пой—бой
фа́за—ва́за
фа́ра—ва́ра
фас—вас
фатý—ва́ту
фон—вон
фла́га—вла́ги

туш—душ
трап—драп
са́дом—за́дом
са́йка—за́йка
сло́й—злой
совý—зовý
сýпом—зýбом
ко́са—коза́

покла́жу—погла́жу
ко́лос—го́лос

Вторичное расщепление по глухости—звонкости касается вторичных локальных типов:

$$[\zeta] - [\psi] - \left[\begin{array}{c} \lceil [\omega] \rceil \\ \lfloor [\omega] \rfloor \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} \lceil [\bar{\omega}] \rceil \\ \lfloor [\bar{\omega}] \rfloor \end{array} \right]$$

В этой схеме может вызвать недоумение введение «мягких» фонем /ш̄/ и /ж̄/. Не следует ли их рассматривать в категории по твердости—мягкости? Нет, не следует, потому что их «мягкость» — неразличительная. Если бы они не были долгими, мы должны были бы соотносить их с твердыми [ш], [ж], а поскольку такого соотношения (корреляции) установить нельзя, мы должны считать фонемы /ш̄/—/ж̄/ внепарными по признаку твердости—мягкости, а их собственную мягкость рассматривать как внутренний локальный, а не модалный признак. Точно так же нельзя считать, что /ш̄'/, /ж̄'/ образуют корреляции по признаку длительности с фонемами /ш/, /ж/, потому что последние — «внутренне твердые», т. е. отличие /ш/ от /ш̄'/, /ж/ от /ж̄'/ не минимальное, как того требует коррелятивность противопоставления.

Примеры:

шар—жар
шаровóй—жаровóй
шýтка—жýтко
нашел [нашóл]—ножóm
пушóк—сапожóк

счет—жжет
во́ щи — во́жжи
ещé—éзжу [jéж'у]
про́ще—дрóжжи
тащý—дождю́ [даж'ý]

§ 3. ПОЗИЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ

Корреляция по глухости—звонкости реализуется в сильных позициях и нейтрализуется в слабых. Сильными позициями являются следующие: 1) перед гласной; 2) перед [в]; 3) перед сонорными; 4) перед [j]. Особенностью четвертой сильной позиции является то, что она одновременно является

слабой для категории твердости—мягкости, вызывая позиционное смягчение всех согласных перед [j]. Поскольку в анализируемом материале корреляция по твердости—мягкости еще не введена, эта позиция здесь не рассматривается, тем более, что произношение мягких согласных и согласных в сочетании с [j] образует самостоятельную методическую проблему, которая будет затронута в соответствующем разделе.

Слабыми для корреляции по глухости—звонкости являются следующие позиции: 1) конец слова; 2) перед согласным той же категории, т. е. а) перед глухими, б) перед звонкими, в) перед [с]; 3) перед внепарными по глухости—звонкости согласными (кроме сонорных, [в] и [j]): а) перед [х], б) перед [ц], [ч]. Перечисленные сильные и слабые позиции неодинаковы в отношении своей независимости: абсолютно независимой является первая слабая позиция (конец слова), поэтому реализация согласных рассматриваемой категории в этой позиции не подвержена влиянию никаких разрешающих позиционных условий, например, создаваемых началом следующего слова, даже при слитном произношении. Таким образом, все сильные позиции эффективны только в пределах одного слова, тогда как первая слабая позиция действует и в тех случаях, когда стык разных слов образует с фонетической точки зрения сильную позицию (исключение составляют предлоги). Слабые позиции отражают ограничения, накладываемые на функционирование признака глухости—звонкости в речи, и выдерживаются они более последовательно, из чего можно заключить, что запрещающие правила имеют для языка большее значение, чем разрешающие. В методическом плане этот вывод означает, что главная задача обучения состоит в том, чтобы научить студента не делать ошибок, т. е. сознательно следовать запрещающим правилам.

В позиции стыка двух слов правила конца слова могут нарушаться только в том случае, когда стык создает фонетически слабую позицию типа 2б, т. е. когда следующее слово начинается на звонкий согласный. В этой позиции по общим правилам изменяются и те конечные согласные (кроме сонорных и [j]), которые не входят в фонологическую категорию глухости—звонкости. Разумеется, когда речь идет о стыковой позиции, имеется в виду такое произношение, при котором пауза между словами отсутствует. Учитывая позицию стыка слов, следует уточнить понятие первой слабой позиции как позиции, имеющей следующие подтипы: 1а) абсолютный конец, т. е. положение перед паузой; 1б) на стыке слов, не образующем позицию типа 2б); 1в) на стыке слов, образующем позицию типа 2б. Реализация согласных данной категории в позициях 1а и 1б идентична, а в позиции 1в согласные реализуются так же, как в позициях 2б внутри слова. Позиции 2в и 2г вводятся для согласных [т] и [д]; они не относятся к

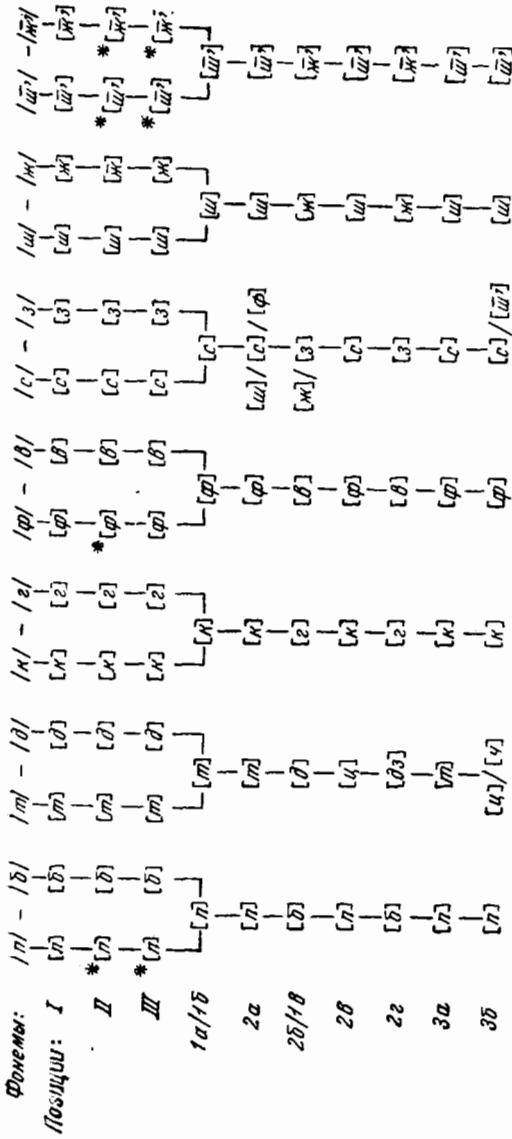
случаям префиксально-корневого стыка, который включается в позиции 2а и 2б.

Влияние слабой позиции проявляется в том, что не все звуки, допустимые в качестве вариантов фонем в сильных позициях, допустимы также в позиции слабой. Иными словами, репертуар звуков для слабых позиций беднее репертуара звуков для сильных позиций. Это и есть ощутимый результат нейтрализации тех различий, которые в сильных позициях представлены в полном виде. Чтобы изобразить соотношение вариантов в двух типах позиций, воспользуемся схемой М. В. Панова (римскими цифрами обозначены сильные позиции) (см. стр. 39).

Эта общая схема вариантов по глухости—звонкости требует некоторых замечаний.

1. Прежде всего, позиции 2а и 2б (но не 1в) могут относиться к случаям стыка префикса и корня, и тогда варианты [т] и [д] выступают перед корнем на [с] или [з] в виде вариаций, которые иногда изображают как [т^{1с}], [д^{3з}], например, *звук—отзвук* [звук]—[о́д^{3з}звук], *отсыпал—отзвонил* [ат^{1с}сы́пъл]—[ад^{3з}ван'йл]. Такой транскрипцией передается особый характер звуков [т], [д] в сочетании с [с], [з]: смычные в этих сочетаниях имеют неполное образование, выполняется только экскурсия звука (смычка), а рекурсия сливается с экскурсией следующего свистящего согласного, вследствие чего возникает акустический эффект «цеканья» (для сочетания глухих) и «дзеканья» (для сочетания звонких). Отличие данных сочетаний в позиции «префикс+корень» (а также на стыке слов) от аналогичных сочетаний в других позициях внутри слова совершенно отчетливо (позиции 2в и 2г): в этих случаях вариантами смычных [т] и [д] являются резкие (аффрикаты) [ц] и [дз]; ср. прилагательные на *-ский* при корне на [-т]/[-д] типа *детский* [д'эцкѝ], *шведский* [шв'эцкѝ], глаголы на *-ся* типа *умываться* [умыва́цъ], где позиция перед *-ся* является слабой не только для признака глухости фонемы /т/, но и для признака мягкости фонемы /т'/ . Вариант [дз] слышится при нормальном произношении в слове *дзот* [дзот]), а также в некоторых фамилиях типа *Дзюба*.

Аффриката [дз] нормально представлена как вариант фонемы /ц/ в позиции 2б — как правило, на стыке слов. По отношению к этой фонеме [дз] является вариацией, так как варианты — результат позиционных изменений коррелятивных фонем, а /ц/ находится вне корреляций по глухости—звонкости. Вторая резкая фонема /ч/ также имеет в той же позиции звонкую вариацию [дж'], например, *отец* [ат'эц] — *отец бы* [ат'э́дзбы], *ночь* — [ноч] — *ночь была темной* [но́дж'была́]. Фрикативный /х/ на стыке со звонким согласным представлен

вариацией [у], ср. *каких* [как'йх] — *каких бы* [как'йубы]. Отличие вариации от варианта состоит в том, что она не приводит к смешению (неразличению) разных фонем: при наличии фонем /ц/, /ч/, /х/ в русском языке отсутствуют фонемы /дз/, /дж'/, /γ/. В паре *джем—чем* в действительности нет минимального различия, так как звук [дж] здесь твердый, в отличие от [ч].

2. В позиции 2а для фонем /с/ и /з/ указаны три варианта [с]/[ш] и [Ø], появление которых зависит от вида следующего согласного: перед всеми глухими, кроме [ш] и [ш'], представлен вариант [с], перед [ш] — вариант [ш] (образуется долгий [ш̄]), и перед [ш'] — вариант [Ø], т. е. [с] фактически исчезает так как перед [ш'] оно должно представляться в виде [ш] (позиционное смягчение), но появление долгого [ш'ш'ш'] не возможно, вследствие чего один такт длительности редуцируется. Аналогичная картина представлена в позиции 2б для тех же фонем: перед всеми звонкими, кроме [ж], имеем вариант [з], перед [ж] — вариант [ж] (образуется долгий [ж̄]). В пределах одного слова невозможно сочетание свистящего с [ж'], но на стыке слов оно возможно, и тогда происходит такая же замена, как в сочетании глухих в позиции 2а, т. е. [з] > [ж'] > [Ø]; например, в такой фразе: *раз жжет — значит горячий* [раж'от значит гар'ачи].

Примеры для позиций 2а и 2б:

<i>стал</i> [стал] — <i>сдал</i> [здал]	<i>шил</i> — <i>сшил</i> [ш̄ыл]
<i>спой</i> [спой] — <i>сбой</i> [збой]	<i>жал</i> — <i>сжал</i> [жал]
<i>раскол</i> [раскól] — <i>разгон</i> [разгón]	<i>щепка</i> — <i>расщепить</i>
	[р'ш'ип'йт']

3. В позиции 3б фонемы /т/ и /д/ имеют два варианта: перед согласным [ц] представлен вариант [ц], в результате чего возникает долгий звук [ц̄]; перед [ч] — вариант [ч], сливающийся с последующим согласным в долгий [ч̄]. Например:

отец — отца [ац̄а],
молодец — *молодца* [м'ьлац̄а],
цежу — *отцежу* [ац̄ы'жу];
четко — *отчетливо* [ач̄óтл'ивъ],
заводы [завóды] — *заводчик* [завóчик], *лет* — *летчик* [л'от'
 [л'очик], *дать* — *датчик* [д'ачик].

В той же позиции фонемы /с/ и /з/ представлены вариантами [с] (перед согласным [ц]) и [ш'] (перед согласным [ч]). Фактически перед [ч] появляется вариант [ш'], который в комплексе [ш'ш'] приводит к редукции смычки и стяжению

двух [ш']. Примеры: *чищу* [чиш'у] — *расчищу* [раш'йш'у], *чешу* [чиш'у] — *расчешу* [раш'иш'у], *черкать* — *росчерк* [рош'ирк], но *царапал*—*расцарапал* [р'ьсцар'ап'ъл], *рысь* [рыс'] — *рысца* [рыс'ца], *целить*—*исцелить* [исц'ьл'йт']. На стыке предлога, оканчивающегося на [с] или [з], и слова, начинающегося на [ч], согласные предлога представлены вариантом [ш'], например, *без человека* [б'иш'ч'илав'эк'ь], *с чаем* [ш'ч'аим], *из часов* [иш'ч'исоф]. Эти примеры показывают, что процесс изменения свистящего здесь идет в том же направлении, что и при стыке префикса с корнем, но поскольку сочетание предлога со словом образует менее тесное единство, чем сочетание префикса с корнем, процесс «обесмысливания» [ч] на стыке предлога и слова не происходит, хотя согласный [с], [з] предлога выступает в варианте [ш'], как тот же согласный в префиксе, где происходит полное слияние префиксального и корневого согласного. Этот пример говорит о том, как важно при изучении фонетики учитывать не только фонетические позиции (позиции в слове перед определенными звуками), но и морфологические позиции (позиции стыка разных слов или морфем).

В приведенных примерах [с] перед [ч] реализуется как [ш'], но этот звук с фонологической точки зрения двусоставен, так как в нем проходит морфологическая граница: [раш'ш'ищу] = =/рас—чешу/. Следовательно, звук [ш'] в этой позиции, как отметил С. О. Карцевский, омонимичен звуку [ш'] в сильной позиции, где реализуется односоставная фонологическая единица — фонема /ш'/. Это замечание касается и случаев [т]/[д]+[с] и [т]/[д]+[ч], в которых звуки [ц] и [ч] (или [ц], [ч]), также содержат внутри себя морфемную границу и потому являются морфологически и фонологически разложимыми, в отличие от [ц] в сильной позиции (например, *царь*), где этот звук неразложим и представляет одну фонему.

В заключение этого параграфа приведем некоторые примеры сохранения и нейтрализации различия по глухости—звонкости в разных позициях. При этом надо учитывать, что не все типы позиций одинаково богаты примерами; некоторые отражают крайне редкие случаи, настолько редкие, что они могут быть исключены из фонетического курса. Например, в сильной позиции II (перед [в]) представлены только звонкие губные [б] и [в], ср. *водить*—*обвод*—*ввод*, *вал*—*обвал*. Сочетание [пв] может возникнуть только на стыке разных слов, но тогда оно будет регулироваться не позицией II, а позицией Iб, ср. *суп вермишелевый*. То же можно сказать о сочетании [фв], [ш'в], [ж'в]. По-видимому, только в одном слове встречается сочетание [пм] — *изман*, хотя [бм] — довольно часто, например, *обмен*, *обмер*, *обмануть* и т. п. Один пример

можно привести для противопоставления [ф]—[в] в позиции перед [м]: *рифма—травма, завмаг*. Редкие или вовсе не представленные варианты отмечены в схеме (стр. 39) астериксом.

Примеры для позиции II

*творец—дворец
твин—Двин
Тверь—дверь
тварь—два
затвор—за двор
мертва—едва*

*квартира—гвардия
квас—гвозди
свой—звон
свалка—звал
с вас—из вас
жвачный—швейный*

Позиция III

*трунный—трубный
крунный—клубный
двустонный—удобный
шляпный—хлебный
доступный—учебный
однотипный—рыбный
класс—глас
кромка—громко
криво—грива*

*латный—ладный
бесплотный—бесплодный
плотник—плодник
халатно—ладно
стенобитный—обидный
летний—последний
алфавитный—видный
спутник—рудник
трап—драп
телеграфный—главный
подшефный—душевный
тарифный—наивный
аморфный—условный
сна—знал
слой—злой
весло—везло
весной—зной
жну—шнур
жница—шницель*

Позиция I

/п/—/б/

*су[п]—суна
землек[б]—зем-
лекона
ти[п]—типа
тем[п]—тём[п]а
раб [рап]—рабы
хлеб[-п]—хлебы
гриб[-п]—грибы
зуб[-п]—зубы*

/т/—/д/

*солда[т]—солдата
бра[т]—брата
све[т]—света
живо[т]—живота
доклад[д-т]—доклады
обед[д-т]—обеды
(обе[т]—обеты)
год[д-т]—годы
труд[д-т]—труды*

/к/—/г/

таба́[к]—табака́
ве[к]—вѣка́
спу́тни[к]—спу́тника
боти́но[к]—боти́нка
враг [-к]—врга́
снег [-к]—снѣга
биоло́г [-к]—биоло́га
друг [-к]—дру́га

/с/—/з/

запа́[с]—запа́сы
ве[с]—веси́
ча[с]—часы́
но[с]—носы́
газ[-с]—га́за
глаз[-с]—гла́за
вуз[-с]—ву́за
союз[-с]—сою́за

/ф/—/в/

шка[ф]—шка́фа
телегра[ф]—телегра́фа
шеф[ф]—ше́фа
ми[ф]—ми́фа
уста́в[-ф]—уста́ва
сев[-ф]—се́ва
моти́в [-ф]—моти́ва
о́стров[-ф]—о́строва

/ш/—/ж/, /ш' /—/ж' /

каранда[ш]—карандаши́
ва[ш]—ва́ши
багаж [-ш]—багажа́
нож [-ш]—ножа́
товари́щ[ш]—товари́ща
пла[щ]—плаща́
дождь [-ш']—дождя́ [-ж' а́]

Позиция 2 а

обсы́пать [ап-]
о́бщий [оп-]
обхо́д [ап-]
обчи́стить [ап-]
вперѣ́д [ф-]
впра́во [ф-]
вста́вить [ф-]

откры́л [ат-]
оте́ц—отца́ [аца́]
де́ти—де́тский
[д'эцки́й]
молоде́ц—молодца́
[мълаца́]
подцени́л [пъцып'йл]
ленингра́дский
[л'ин'инграцки́й]
отче́т [ачо́т]
подчерку́ть
[пъчиркнут']

скрывать [с-]
спать [с-]
спор [с-]
сшить [шш-]
счи́стить [щ'-]
расщепи́ть [ръш'-]
перевозчик [п'ир'ивош'ик]
увѣзши́й [ув'ошшы́й]
ни́зший [н'ишшы́й], ср. нищии́й

Позиция 3

<i>обзор</i> [аб-]	<i>подбирать</i> [пъд-]	<i>разгибать</i> [р'ъз]-
<i>обгон</i> [аб-]	<i>подвал</i> [пад-]	<i>разбивать</i> [р'ъз-]
<i>обдумать</i> [аб-]	<i>подготовка</i> [пъд-]	<i>сбор</i> [з-]
<i>обжечь</i> [аб-]	<i>поджечь</i> [пад-]	<i>сжигать</i> [жж-]
<i>обвал</i> [аб-]	<i>подземный</i> [падз'-]	<i>сжимать</i> [жж-]

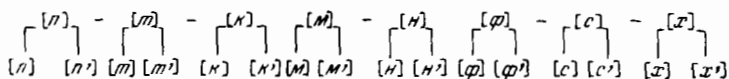
§ 4. КАТЕГОРИЯ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Наиболее многочисленная по количеству входящих в нее фонем категория твердости—мягкости характеризуется следующим системным ограничением: признак твердости—мягкости не совмещается в классе шумных согласных с признаком резкости и с признаком периферийность+недентальность. Иными словами, в данную категорию не включаются фонемы /ц/, /ч/, /ш/, /ж/, /ш̄'/, /ж̄'/ и фонема /j/. Первые четыре не имеют «мягких пар», остальные не имеют «твердых пар». Таков каноничный взгляд на состояние корреляции по твердости—мягкости в русском языке. Он отражает фонологическую норму для определенного периода, но не учитывает новейших тенденций в русской фонетике, которые свидетельствуют о расширении значимости противопоставления по данному признаку. Разумеется, в задачи обучения произношению не входит учет намечающихся сдвигов; напротив, обучение должно ориентироваться на определенную норму. Но в некоторых случаях допустимость двоякого фонологического истолкования тех или иных явлений может оцениваться с методической точки зрения, согласно которой выбор неканонического истолкования оказывается более оправданным. Можно полагать, что именно так обстоит дело с оценкой фонологического статуса фонем /ш/, /ж/, /ш̄'/, /ж̄'/ по отношению к категории твердости—мягкости. Конечной целью обучения произношению является постановка правильных русских звуков, и практическая фонология должна помогать в осуществлении этой цели, а не создавать излишние трудности. Ставить звуки [ш̄'] [ж̄'] удобнее на фоне звуков [ш] и [ж], поскольку в отношении способа образования они образуют такие же пары, как [с]—[с'], [з]—[з']. Тот факт, что мягкие шипящие имеют дополнительный признак длительности, может показаться существенным педантичному фонологическому взгляду, но в действительности этот признак не играет никакой смылоразличительной роли, т. е. не служит основанием противопоставления разных фонем. Достаточно сообщить студенту, что наличие палатализации у шипящих фонем сопровождается некоторым удлинением артикуляционной выдержки, и если

он научился правильно произносить мягкий [ш'], ему не составит труда сделать этот звук более долгим. Поэтому представляется целесообразным включить шипящие согласные в категорию твердости—мягкости, что не противоречит и наблюдающимся тенденциям в развитии этой категории в настоящее время, о которых нет надобности здесь говорить, поскольку они исчерпывающе описаны в книге М. В. Панова (см. библиографию).

По аналогичным соображениям в данную категорию следует ввести и заднеязычные согласные, у которых еще больше оснований считаться законными фонологическими членами категории твердости—мягкости. То, что в языке обнаруживается мало минимальных пар для данных фонем, еще не является достаточным доводом против рассмотрения их в рамках этой категории. Расширив таким образом категорию твердости—мягкости, мы охватим все русские согласные, кроме /ц/, /ч/ и /j/. Но даже для этих согласных, оставшихся за бортом мягкостной корреляции, методически оправдан прием спаривания [ц] и [ч], поскольку фонетически они характеризуются соответственно твердостью и мягкостью. Хотя постановка резких смычных звуков связана с усвоением локальных категорий (см. раздел I), отработка их произношения вполне может осуществляться и при усвоении категории твердости—мягкости. Единственная фонема, которая не поддается даже косвенному вовлечению в сферу этой корреляции — это /j/. Ее нейтральность в отношении признака твердости—мягкости проявляется в том, что по характеру своего воздействия на гласные в слове она тождественна мягким согласным, ср. *тёмный* [т'ómный] — *темнѐй* [т'имн'ѐй] и *ёлка* [jólкь] — *елóвый* [илóвыи], а по характеру падежных окончаний существительные с основой на j — тождественны существительным с основой на твердый согласный, ср. *стол* — *столóв* [сталóф] и *край* — *краёв* [краjóф], при *конь* — *коней* [кан'ѐй]. Примечательно, что в этом отношении пара [ц]—[ч] ведет себя так же, как любая пара «твердый согласный» — «мягкий согласный», ср. *отцóв* — *ключѐй*, как *столóв* — *конѐй*. Усвоение фонемы /j/ предполагает предварительные знания о способах ее орфографического изображения (в виде букв *й*, *ь*, *ѣ* и в сложных буквах *я*, *ю*, *е*, *ѐ*, *т*, *е*. j+a, y, э, о).

Первичное расщепление звуковых типов по признаку твердости—мягкости изобразим следующей схемой:

Примеры:

пат—пять
станет—сянет
ко́лья—ке́лья
мы́ла—Ми́ла
мот—ме́д
сэр—сер

засты́л—за́стил
кра́ны—хранí
фь́ркал—фíрма
сом—сёмга
хо́лод—хи́трый

Второе расщепление связано с включением признака глухости—звонкости:

$\left[\begin{array}{c} [п'] \\ [п] \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} [т'] \\ [т] \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} [к'] \\ [к] \end{array} \right] \left[\begin{array}{c} [ф'] \\ [ф] \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} [с'] \\ [с] \end{array} \right] - [х']$

Примеры:

пыл—пил
был—бил
тёмный—идём—и до́м
вы́делка—ви́дел
зол—козе́л

вынь—ви́нный
го́ды—ги́ды

Третье расщепление по твердости—мягкости касается вторичных по способу образования звуковых типов:

$\left[\begin{array}{c} [ш] \\ [ш'] \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} [ж] \\ [ж'] \end{array} \right] \left[\begin{array}{c} [л] \\ [л'] \end{array} \right] - \left[\begin{array}{c} [р] \\ [р'] \end{array} \right]$

Примеры:

мошна́—мо́щна́
шей—щей
до́жил—дожди́л [даж'и́л]
вожу́—вожжу́ [важ'у́]
лук—люк
был—быль
лак—ляг
лот—ле́д
лы́сый—ли́сий
рысь—рис
рук—уру́к
ров—рёв
гор—га́рь

§ 5. ПОЗИЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ — МЯГКОСТИ

По сравнению с категорией глухости—звонкости эта категория более устойчива в отношении сохранения различия по твердости—мягкости. Сильными и являются позиции: 1) перед гласными; 2) в конце слова; 3) перед любым согласным (кроме [j]) — для фонем /л/ — /л'/; 4) перед периферийными — для непериферийных фонем. На позицию 4 наложено лишь одно ограничение: периферийные лабиальные образуют сильную позицию только в том случае, если они являются твердыми. Что касается слабых позиций, то наиболее общее правило предписывает неразличение твердых и мягких согласных перед [j] вследствие позиционного смягчения твердых. Исключение из этого правила представляют случаи стыка префикса (предлога) и корня (слова). В этой позиции твердые согласные префиксов и предлогов не смягчаются, ср. *подъезд, съел, над ёлкой*. Перечислять все слабые позиции нет необходимости, так как они выводятся из сильных. С точки зрения обучения произношению особенно важно сосредоточить внимание на различии между мягкими согласными и согласными в сочетании с [j], указав на фонологичность мягкости как собственного признака согласных, и на раздельность произношения в сочетаниях «согласный+[j]».

Примеры:

*полю—полюю
сел—съел
семя—семья
судит—судьи
пёня—пенье
Мотя—лохмотья
кося—колосья
Колья—колья
Соня—спросонья
звенят—свинья
солю—солюю*

Итак, общая характеристика позиции перед [j] такова:

- 1) эта позиция является сильной для признака глухости—звонкости, но слабой для признака твердости—мягкости;
- 2) внутри слова, не на стыке префикса и корня, все согласные, кроме [ш] и [ж] произносятся мягко;
- 3) согласные [ш] и [ж] перед [j] произносятся твердо. Приведем примеры на каждое из этих правил:
(1) *пью* [п'ју] — *бью* [б'ју]

- плотью [плот'иу] — грудью [груд'иу]
 смесью [с'м'эс'иу] — мазью [маз'иу]
 Софью [сбф'иу] — новью [нбв'иу]
- (2) судья [суд'já], семья [с'им'já]
 хлопья [хлбп'иъ], стулья [стул'иъ]
 деревья [д'ир'эв'иъ], свиньи [с'в'ин'ни]
- (3) шью [шју], тушью [тушиу]
 побережье [пъб'ир'эжиъ], рождью [рбжиу]
 ружье [ружјо] затишье [зат'ишиъ]

Слабой для рассматриваемой категории фонем является позиция перед однородным по признаку твердости—мягкости согласным и перед [ц], [ч]. Эта позиция характеризуется следующими особенностями:

1. Перед твердыми согласными и [ц] произносятся твердые согласные; исключение составляют фонемы /л/—/л'/, для которых эта позиция является сильной; и /н/—/н'/, которые различаются перед [ш].

2. Перед мягкими согласными (кроме [р']) произносятся мягко согласные той же локальной категории; исключение составляют фонемы /л/—/л'/, различающиеся в этой позиции. Таким образом, перед мягкими губными произносятся мягкие губные, перед мягкими переднеязычными — мягкие переднеязычные (кроме случаев стыка префикса и корня, когда конечные согласные префикса [т], [д] не смягчаются), перед мягкими заднеязычными — мягкие заднеязычные; переднеязычные имеют мягкий вариант также перед мягкими губными.

3. Перед [р'] произносятся твердые варианты согласных.

4. Перед [ч] мягкий вариант представляют только непериодические согласные, кроме [л]—[л'], которые в этой позиции различаются, и [р], который произносится твердо.

Наиболее устойчивой в категории твердости—мягкости является корреляция /л/—/л'/: она нейтрализуется только в позиции перед [ј]. Для остальных согласных появление твердых и мягких вариантов в слабых позициях можно изобразить

Классы фонем	Позиции перед мягкими						Позиции перед твердыми	
	губными	дентальными	заднеязычными	[р']	[ч]	[ј]	твердыми	[ц]
Губные	+	-	-	-	-	+	-	-
Дентальные	+	+	±	-	+	+	-	-
Заднеязычные	-	-	+	-	-	+	-	-
/р/ - /р'/	-	-	±	-	-	+	-	-
/л/ - /л'/	±	±			±	+	±	(±)

следующей таблицей, где + означает мягкость, — означает отсутствие мягкости.

Пустые клетки в таблице означают, что данные сочетания в языке не встречаются. Знак ± указывает на то, что для соответствующего класса фонем данная позиция является сильной. В позиции перед [ц] фонемы /л/—/л'/ различаются, но для сочетания [лц] примеры отсутствуют, если не считать сложных слов *полцены, полцапли* и т. п.

Из таблицы видно, что последовательно проводятся только два позиционных правила: «твердые перед твердыми» и «мягкие перед [j]». В позициях же перед мягкими лишь дентальные относительно последовательны в отношении смягчения, поэтому можно считать, что для этого класса согласных корреляция по твердости—мягкости выражена лучше (не считая, конечно, пары /л/—/л'/). Отсюда вытекает методическое следствие: усвоение категории твердых и мягких согласных лучше начинать с дентальных и боковых, а затем вводить группы губных и заднеязычных. Приведем некоторые примеры.

Позиции для /л/ и /л'/

алма́з—па́льма

ко́лба—па́льба

мо́лва—льви́ный

во́лна—во́льна

бо́лтать—па́льто

хо́лста—ва́льса

во́лшебный—бо́льшой

то́лица—у́гольщик

мо́лчать—мельча́ть

толче́я—ма́льчик

а́лчный—сту́льчик

по́лка—по́лька

ко́лкий—О́льги

по́лцены́—па́льцами

по́лца́рства—пы́льца́

Позиции для губных

ме́ра—ме́ра вместе [в'м'эс'ти]

ми́ли—ми́ли вблизи [в'б'йл'и]

ви́ли—ви́ли вписать [ф'п'иса́т']

ампи́р [ам'п'йр]

се́мья [с'им'já]

пью́ [п'jy]

все [фс'э]

мне [мн'э]

птица [пт'и́цъ]

замки [за́мк'и]

лапки [ла́пк'и]

приход [пр'ихо́т]

пчела [пчилá]

самцы [самцы́]

приемщик [пр'и́бо́щ'ик]

Позиции для дентальных

спать [спат'] — *спи* [с'п'и]

смотреть [с'матр'эт'] — *смелый* [с'м'элы]

снова [сно́въ] — *снег* [с'н'э́к]

стол [стол] — *стена* [с'т'ина́]

здоров [здаро́ф] — *здесь* [з'д'э́с']

слово [сло́въ] — *слива* [с'л'и́въ]

редко [р'эткъ] — редька [р'эт'къ]
 пунша [пуншъ] — тоньше [тón'шъ]
 солнце [сónцъ] расщепить [р̄ш'ип'йт']
 зрачок [зрачóк] — зря [зр'á]
 кончик [кón'чик], росчерк [рóш'ирк]
 изъян [из'ján], тенью [т'эн'иу]

Позиции для /р/—/р'/

армия [áрм'иä]	верчу [в'ирчү]
нерпа [н'эрпъ]	сердце [с'эрцъ]
горбиться [гóрб'ицъ]	горка [гóркъ] — горько [гór'къ]
вертеть [в'ирт'эт']	Сергей [с'ирг'эи] — серьги
	[с'эр'г'и]
верни [в'ирн'и]	перья [п'эриъ] — рьяно [р'jánъ]
вершина [в'иршынъ]	Марья [мар'иъ]

Позиция для /j/

Эта фонема, остающаяся вне корреляций по твердости—мягкости и глухости—звонкости, имеет своеобразные позиционные вариации:

1. В ударном слове перед гласной произносится наиболее напряженная вариация, обозначаемая здесь как [j].

2. В ударном слове после гласной и в безударных слогах произносится ослабленная вариация [и], которая перед звуком [и] может ослабляться почти до нуля.

3. Между безударными гласными или между ударной и безударной реализуется нулевая вариация [Ø], но второй гласный при этом сохраняет тот оттенок, который он имел бы после мягкого согласного.

Примеры:

(1) Моя [маjá]	(2) стойте [стóит'и]
яма [jámъ]	война [ваинá]
яблоко [jáбл'къ]	юрист [иур'ист]
я стою [já стаjу]	читайте [читáйт'и]

(3) двое [двóä]=/двójо/
 стоя [стóä]=/стójа/
 шея [шэä]=/шэjа/
 читаю [читáÿ]=/читájу/
 синие [с'ин'ий]=/с'ин'ийэ/

В примерах к правилу (3) в квадратных (фонетических) скобках дана транскрипция произношения, в косых (фонологических) — фонемный состав слов, который обнаруживается лишь при нарочитом скандированном произношении.

I. СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ВОКАЛИЗМА

§ 1. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГЛАСНЫХ

Гласные в русском языке характеризуются их позиционной зависимостью от согласных, с которыми они образуют слог. Поэтому постановка гласных звуков во многом оказывается автоматической, сопровождающей постановку согласных. При описании системы гласных следует учитывать двоякого рода позиции: а) позиция по отношению к ударному слогу, б) позиция после определенных согласных. Абсолютно сильной является позиция в ударном слоге, где различаются все пять гласных фонем. Модальные признаки слога (твердость или мягкость предшествующей согласной) при этом не влияют на различимость гласных, т. е. не приводят к субституции вариантов, но лишь видоизменяют звучание гласных, что выражается в появлении вариаций. Эти вариации органически связаны со способом артикуляции согласных и вследствие этого могут быть исключены из обучения как самостоятельная тема.

Но в безударных слогах реализация гласных регулируется двумя совмещающимися факторами: степенью удаленности данного слога от ударного и его характером с точки зрения твердости—мягкости. Эти факторы по-разному влияют на проявление дифференциальных признаков в этих позициях. Тем самым мы получаем категории гласных, различающиеся по позиционным характеристикам. Позиция в безударном слоге является, таким образом, слабой для одних признаков, но сильной для других, поэтому она может быть названа лишь относительно слабой. Субституция вариантов гласных в безударных слогах называется редукацией, которая бывает двух видов: количественная и качественная. Количест-

венной редукции подвергаются все гласные, так как в безударных слогах они произносятся при меньшем времени артикуляционной выдержки, чем в ударных. Поэтому по признаку количественной редукции гласные не различаются, и этот признак можно не принимать во внимание. Зато качественная редукция, т. е. изменение характера артикуляции, дает значительное разнообразие вариантов в зависимости от того или иного признака. Без усвоения редукционной перспективы русского слова произношение иностранца будет выглядеть очень искаженным.

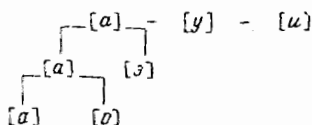
Изучение гласных естественно начинать с /a/, /y/, /и/, что было обосновано во введении. Усвоение звуковых типов [a], [y], [и] не представит большого труда, поскольку они известны фактически любому языку и образуют минимальную категорию по признаку компактности—диффузности. Но специфика русского вокализма состоит в том, что фонема /и/ имеет после твердых согласных вариант [ы] — звуковой тип, чуждый многим языкам. Это обстоятельство сразу ставит данную фонему в особое положение: усвоение варианта [ы] не может предшествовать усвоению категории твердости—мягкости, поскольку это нарушило бы логику поступательности — следствие изучалось бы раньше, чем причина. Учитывая это обстоятельство, можно на первых порах рекомендовать ограничиться звуковыми типами [a] и [y], а звук [и] вводить на этом этапе только в позиции начала слова. Но это в свою очередь заставляет заключить, что понятие фонологической твердости—мягкости согласных должно даваться как можно раньше, так как без этой категории «не пойдут» или «пойдут» неправильно гласные. Если же ограничивать число вводимых гласных, то это отразится на эффективности тренировочного материала, который сильно обеднеет без гласных /и/, /о/, /э/. Довольствоваться же одними слоговыми примерами — значит подавлять интерес студентов к языку, в котором они совершенно справедливо видят прежде всего слова и правила их комбинации в предложениях.

Фонологические категории русских гласных определяются следующими дифференциальными признаками: 1) компактность—диффузность; 2) лабиализованность—нелабиализованность; 3) низкие—высокие (см. стр. 26). Для выяснения статуса каждого из этих признаков рассмотрим все три категории с точки зрения сохранения и нейтрализации определяющих их признаков.

§ 2. КАТЕГОРИЯ КОМПАКТНЫХ — ДИФФУЗНЫХ ГЛАСНЫХ

Первичная схема этой категории задается гласными [a], [y], [и]. Становление категории компактности—диффузности

можно представить в виде расщепления первичного компактного звукового типа по признаку лабиализованности и то-нальности:

В данной системе звуковые типы [a], [o], [э] определяются как компактные, [y], [и] — как диффузные. Эти признаки соответствуют различным степеням открытости, и поскольку [o] и [э] образуют промежуточную ступень между [a] как максимально открытым и [y]—[и] как максимально закрытыми звуковыми типами, может показаться неправомерным объединение трех фонетически неодинаковых по открытости звуков в группу компактных. Но на самом деле такое объединение фонологически оправдано. На ступени максимальной открытости находится лишь один звуковой тип [a], поэтому нет никакого фонологического смысла в максимальной его открытости; это не единственный признак, отличающий [a] от остальных гласных. Для данной системы существенно различие между максимально закрытыми и не максимально закрытыми, т. е. попросту между закрытыми и незакрытыми. Вследствие этого рассматриваемую категорию было бы точнее назвать категорией диффузности—недиффузности, и позиционный анализ этой категории покажет, что для предпочтения такого названия и такого понимания категории ([a]—[o]—[э])—([y]—[и]) имеются дополнительные основания.

Примеры противопоставлений по диффузности—недиффузности

<i>лис—лес</i>	<i>стул—стол</i>
<i>навѣс—навѣс</i>	<i>стул—стал</i>
<i>пил—пел</i>	<i>гул—гол</i>
<i>мил—мел</i>	<i>гѹлко—гѹлка</i>
<i>ампѣр—ампѣр</i>	<i>сѹмка—сѹмка</i>
	<i>пѹля—пѹля</i>

Особенностью категории диффузности—недиффузности является то, что не все противопоставления в ней минимальны. Только по признаку диффузности—недиффузности различаются [и]—[э], [y]—[o]. Что касается пар [и]—[a] и [y]—[a], то в них различия не минимальные: [a] отличается

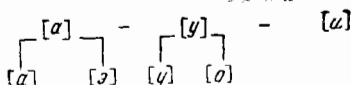
от [и] не только недиффузностью, но и более низким тоном, а от [у] — не только недиффузностью, но и нелабиальностью. Минимальным различием характеризуется пара [а]—[ы], где [ы] — низкий вариант фонемы /и/, обусловленный позицией после твердых согласных, и единственный признак, отличающий [а] от [ы] — это диффузность—недиффузность.

<i>бал—был</i>	<i>ла́ком—лы́ком</i>	<i>жа́р—жи́р</i> [жыр]
<i>вал—выл</i>	<i>сна—сны</i>	<i>ца́рь—ци́рк</i> [цырк]
<i>мал—мыл</i>	<i>гроза́—грозы́</i>	<i>раб—рыб</i>

Мы видим, что в пределах одной категории тесно переплетаются разные дифференциальные признаки, т. е. фактически категории совмещены друг в друге. Коррелятивные признаки гласных, в отличие от признаков согласных, характеризуются меньшей взаимной самостоятельностью, и результатом такого положения является общность существенных позиций для всех категорий гласных. Если наборы сильных и слабых позиций для категорий согласных не совпадали, то для гласных имеется один набор позиций. Поэтому целесообразно рассмотреть вначале все категориальные отношения между гласными, а затем дать обобщенную позиционную характеристику всей системы в целом.

§ 3. КАТЕГОРИЯ ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ — НЕЛАБИАЛИЗОВАННЫХ ГЛАСНЫХ

Первичная подсистема гласных содержит один лабиализованный звуковой тип, расщепление которого дает набор лабиализованных фонем русского языка. Расщепление осуществляется по признаку диффузности—недиффузности и низкости—высокости:

Полученная категория симметрична описанной выше, в ней также противопоставляются две фонемы (/у/, /о/) трем (/а/, /э/, /и/). Но здесь лишь одна пара представляет минимальное различие — [а] и [о]; остальные пары различаются более чем по одному признаку: об [а]—[у] говорилось выше [у]—[и] отличаются друг от друга не только лабиализованностью, но и по низкости—высокости, а [у]—[э] и [о]—[и] различаются по всем трем признакам. Конечно, нет необходимости, говоря о парных противопоставлениях, учитывать вс

различающие признаки — для каждой пары достаточно одного. Но в том-то и состоит задача описания системы гласных, чтобы выяснить, какой из трех дифференциальных признаков должен в каждой паре считаться основным и, следовательно, в первую очередь сосредоточивать на себе внимание учащихся.

Примеры противопоставления
по лабиализованности — нелабиализованности:

<i>дам—дом</i>	<i>сам—сом</i>	<i>сил—соль</i>
	<i>та—то</i>	
<i>пар—пор</i>	<i>зал—зол</i>	<i>дай—дуй</i>
<i>бар—бор</i>	<i>шаг—шок</i>	<i>вѣра—вѣра</i>
<i>вар—вор</i>	<i>кольца́—кольцо́</i>	<i>мил—мол</i>

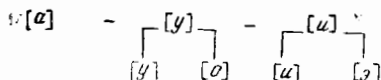
Вариант [ы] в силу своей низкой тональности приближается к [у], так что для этой пары устанавливается минимальное различие по лабиализованности—нелабиализованности. Экспериментально показано, что в системе русских звуков наилучшей различимостью обладают именно эти звуки, поскольку характеристики второй форманты фонем /и/ и /у/ (соответствующей артикуляционному признаку рядности) в позиции после твердых согласных значительно сближаются. И хотя для вариантов [и]—[у] признак лабиализованности—нелабиализованности оказывается избыточным, в определение фонемы /и/ этот признак должен входить, поскольку он существен для варианта [ы].

Примеры для вариативной пары [ы]—[у]

<i>мыл—мул</i>	<i>грибы́—гребу́</i>	<i>жить—жуть</i>
<i>травы́—траву́</i>	<i>остыл—стул</i>	<i>ты—тут</i>
<i>сны—усну́</i>	<i>сыт—суд</i>	<i>лыжи—лужи</i>

§ 4. КАТЕГОРИЯ НИЗКИХ И ВЫСОКИХ ГЛАСНЫХ

Эта категория образуется путем аналогичного расщепления, как категория лабиализованных—нелабиализованных гласных, только вся схема как бы зеркально перевернута:

Эти две категории действительно тесно взаимосвязаны: как диффузные звуковые типы [y]—[и] различаются по тональности и лабиализованности, так и результаты их расщепления [o]—[э] различаются по тем же признакам.

В категории низких и высоких гласных минимальным различием характеризуется также лишь одна пара: [a]—[э]. На уровне вариантов имеется еще одна минимальная пара [и]—[ы], которая не имеет самостоятельного значения, в отличие от рассмотренных выше пар [a]—[ы] и [y]—[ы]. В последних различающими признаками являются соответственно диффузность—недиффузность и лабиализованность—нелабиализованность, т. е. признаки, которые не зависят от консонантного окружения. В паре [и]—[ы] единственный различающий признак низкости—высокости полностью обусловлен позицией—консонантным окружением. Поэтому приводить примеры для этой пары—значит приводить примеры противопоставления твердых и мягких согласных. Хотя в парах [a]—[ы] и [y]—[ы] низкий тон варианта [ы] также обусловлен позицией, этот признак не используется в них как различительный, поэтому обусловленность этих вариативных противопоставлений является позиционной лишь косвенно. Это означает, что по отношению к фонеме /и/ звук [ы] есть всего лишь вариация (понижение тона), как и звук, например, [ä] по отношению к фонеме /а/ (повышение тона) в позиции между мягкими согласными. Но отношение [ы]—[a] есть уже отношение вариантов, так как они различаются не по тому признаку, который вызывает вариации.

Тот факт, что вариации гласных возможны лишь по признаку низкости—высокости, свидетельствует о наименьшей самостоятельности этого признака в системе русского вокализма. В предыдущем разделе говорилось, что признак мягкости согласных не является принадлежностью только этих фонем, а охватывает целый слог, т. е. распространяется и на гласные. В гласных этому признаку соответствует высокая тональность и, таким образом, оба признака (твердость—мягкость и низкость—высокость) оказываются связанными друг с другом, образуя комплексную характеристику целого слога. Для каждой гласной можно говорить о двух тональных характеристиках: одна собственная, определяющая границы вариационной области фонемы, другая—позиционная, определяющая разнообразие оттенков внутри вариационной области. Наиболее существенно различие двух вариационных областей—[э] и [a], так как они образуют минимальное противопоставление только по признаку низкости—высокости, тогда как в других фонемах это различие подкрепляется прочими признаками.

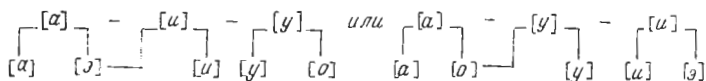
Примеры корреляции [э]—[а]

сэра—Са́ра
 мэ́рка—ма́рка
 бе́л—ба́л
 па́р—па́р
 се́нный—са́нный
 на ли́це—ли́ца
 на но́же — но́жа, у́же—у́жа
 е́м—я́м [jэм]—[jам]

зе́в—за́в
 че́й—ча́й
 ле́ска—ла́ска
 пле́н—пла́н
 душе́—душа́
 в ко́нцѐ — ко́нца

§ 5. ОБОБЩЕНИЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГЛАСНЫХ

Гласные русского языка образуют систему из пяти фонем, которые различаются по трем дифференциальным признакам. Эти признаки настолько тесно переплетаются, что фактически следует говорить о единой категории, которая получается в результате расщепления первичной тройки [а]—[у]—[и]. В этой тройке представлена одна недиффузная фонема /а/ при двух диффузных /у/—/и/, одна высокая фонема /и/ при двух низких /а/—/у/ и одна лабиализованная фонема /у/ при двух нелабиализованных /а/—/и/. Расщепление осуществляется на одиночных по данным признакам фонемах, т. е. [а] расщепляется на две недиффузных, [у] — на две лабиализованных, [и] — на две высоких, причем результаты расщепления [а] и [и] (или [а] и [у]) совпадают.

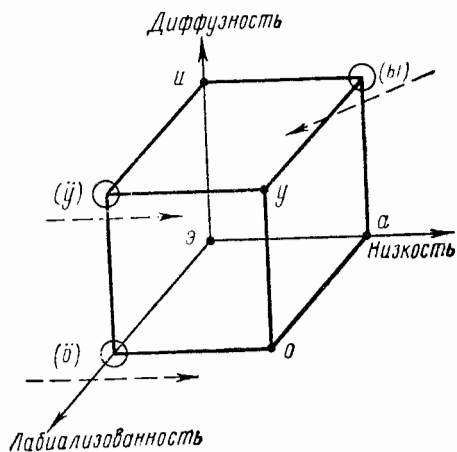

Используя три указанных признака как координаты фонемного пространства, можно изобразить русский вокализм в виде следующей геометрической модели (см. стр. 58).

Кружками отмечены пустые клетки в системе, т. е. фонемы, которые отсутствуют, но потенциально возможны при данных признаках. Полная система обнаруживается лишь на вариационном уровне, и соответствующие вариации заключены в скобки. Но если говорить строго, то указанные вариации русских гласных не совпадают с аналогичными звуковыми типами, образующими самостоятельные фонемы в других языках — например, в турецком, где представлена вся восьмерка гласных фонем. Русское [ö] — это не фонема /ö/, а русское [ÿ] — не фонема /ÿ/, так как эти фонемы должны быть

высокими, как [i], [e], а русское [ы] — не фонема /ы/, так как она должна быть такой же низкой, как [y], а между тем вариации [ö] и [ÿ] обнаруживают явную принадлежность к области рассеивания низких фонем /o/ и /y/, а вариация [ы] занимает промежуточное положение между [и] и [y] и фонологически «втягивается» в зону рассеивания высокой фонемы /и/. Это показано в схеме пунктирными стрелками. Данное замечание звучит не вполне убедительно с фонологической точки зрения, так как для превращения звукового типа в фонему нужны не столько определенные артикуляционные

особенности, сколько системно-позиционные условия, делающие соответствующие звуковые типы независимыми от их положения в структуре слова, т. е. допускающие встречаемость их в одной и той же позиции, благодаря чему звуковые типы приобретают функцию словоразличительных (или морфеморазличительных) единиц — фонем.

В приведенной модели каждая фонема описывается значением трех координат, т. е. признаков, обладающих двумя значениями: 1, если данный признак содержится в данной фонеме; 0, если данный признак в ней не содержится. Понятие «не содержится» означает, что содержится противоположный признак, — например, если фонема не низкая, то она высокая. Иными словами, низкости соответствует 1, высокой 0, и так для всех признаков. Все фонемы можно изобразить в виде комбинаций нулей и единиц, и это позволит наглядно установить степень их фонологической близости друг к другу. Очевидно, что для каждой фонемы ее цифровой код будет содержать три знака. Расположим их в следующем порядке: первый знак (1 или 0) соответствует признаку диффузности, второй знак (1 или 0) — признаку низкости, третий

знак (1 или 0) — признаку лабиализованности. Тогда все фонемы переписываются в виде следующих цифровых формул, отражающих признаковый состав фонем:

$$\begin{aligned} /э/ &= 000 \\ /и/ &= 100 \\ /а/ &= 010 \\ /о/ &= 011 \\ /у/ &= 111 \end{aligned}$$

Степень фонологической близости, т. е. «расстояние» между фонемами, определяется путем сопоставления их цифровых формул: если фонемы различаются лишь одним знаком (единицей или нулем) на одном и том же месте (первом, втором или третьем), то расстояние между ними минимальное и они образуют корреляции по тому признаку, который их различает. Нетрудно убедиться, что наиболее удалены друг от друга фонемы /е/ и /у/, у которых все три знака в формулах различны. То же следует сказать о фонемах /и/—/о/: каждому знаку одной фонемы соответствует обратный знак другой фонемы. Мы скажем, что расстояние между /е/ и /у/, между /и/ и /о/ равно 3. Эти фонемы различаются наилучшим образом. Расстояние между /е/ и /о/, между /и/ и /а/ равно 2, а на минимальном фонологическом расстоянии друг от друга находятся фонемы /е/—/и/, /е/—/а/, /а/—/о/, /о/—/у/—расстояние между ними равно 1.

Таким образом, система русских гласных содержит четыре корреляции: две по первому признаку (/е/—/и/, /о/—/у/), одну по второму (/е/—/а/) и одну по третьему (/а/—/о/). Известно, что важным свойством корреляций, т. е. минимальных противопоставлений, является их способность нейтрализоваться в слабых позициях. Следовательно, дальнейшая задача состоит в анализе позиционного распределения гласных фонем с тем, чтобы выяснить характер субституции вариантов в сильных и слабых позициях и степень устойчивости каждой из указанных корреляций.

II. ПОЗИЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ВОКАЛИЗМА

§ 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗИЦИЙ ДЛЯ ГЛАСНЫХ

При отборе позиций, подлежащих описанию в рамках практической фонологии, следует исходить из практических задач фонетического курса обучения, которые состоят в развитии навыков устной речи, что неизбежно сопряжено с уме-

нием студента сознательно исправлять и предотвращать фонетические ошибки. А чтобы уметь это делать, необходимо знать, в чем состоит ошибка и чему она обязана. Как правило, большинство ошибок, создающих иностранный акцент, относится к нарушениям позиционных правил употребления звуков, поэтому позиции образуют необходимое звено учебной программы. Но позиции бывают разного рода. На произношение гласных влияют многие условия, из которых основным является положение гласного относительно ударного слога, что обусловлено свойствами русского ударения, описанными выше. На это условие накладывается новое условие — наличие или отсутствие согласного перед и после гласного и характер этих согласных. Воздействие согласных на гласные осуществляется в любом слоге — как ударном, так и безударном, и это могло бы привести к мысли, что оба позиционных условия должны в равной мере учитываться при обучении русскому произношению. Однако это не так.

Значительность второго условия уменьшается, когда мы имеем дело с ударным слогом, потому что здесь влияние согласных приводит к образованию лишь в а р и а ц и й гласных, отражающих взаимопроникновение артикуляций согласного и гласного звука. В ударном слоге любого качества все гласные отчетливо различаются, и их оттенки представляют собой не более чем зеркало существенных признаков согласных. Артикуляционная спаянность в комплексе «согласный—гласный» настолько велика, что отработка гласного теряет всякий смысл: невозможно неправильно произнести вариацию гласного, если согласный произносится правильно. Следовательно, отработка гласных в сильных позициях (в ударном слоге) сводится к отработке согласных. Иное дело — слабые позиции (в безударных слогах). Здесь реализуются уже варианты гласных, для усвоения которых надо знать не только номер слога, но и его консонантный состав. Влияние согласных в безударных слогах приводит к появлению не вариаций, а в а р и а н т о в, — значит, для этих позиций фактор консонантного окружения имеет самостоятельное значение.

Вместе с тем надо учитывать еще одну особенность консонантного влияния на гласные: оно распределяется неравномерно для предшествующего и последующего согласного в слоге типа СГС. Как было сказано, в ударном слоге согласные приводят лишь к вариационному изменению гласного, и оба согласных в этом отношении ведут себя одинаково. В безударном слоге изменение гласного носит вариантный характер, т. е. связано с неразличением фонем, но в этом повинны не оба согласных, а только предшествующий гласному. Последующий согласный во всех случаях оказывает лишь вариационное воздействие, поэтому выбор варианта оказывается одинаковым для безударных слогов структуры СГС и СГ.

Соотношение разных по месту согласных в слогe, с точки зрения их влияния на гласный, можно изобразить так:

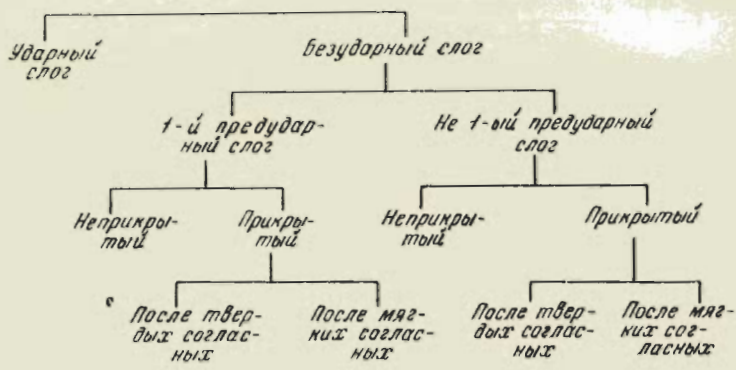

(двустрелочная стрелка означает вариационное влияние, сплошная стрелка — вариантное, двойная стрелка означает бóльшую степень этого влияния). Слабость замыкающего согласного в отношении его влияния на гласный объясняется меньшей «втянутостью» его в слоговую структуру, а это в свою очередь отражает тенденцию русского языка к открытости слога. Экспериментальные исследования ленинградских фонетистов показали, что в речи фактически реализуется деление на открытые слоги, и только перед паузой может быть закрытый слог. Но и этот закрытый слог «закрыт» неплотно, так как конечный согласный остается эксплозивным и склонен к образованию после себя глухого призвука, т. е. даже в абсолютно консонантном конце слова наблюдается тенденция «приоткрыть» конечный слог!

Неодинаковая роль согласных, окружающих гласный, позволяет вообще не учитывать замыкающий согласный при обучении произношению русских гласных. Таким образом, число позиций, существенных с точки зрения практической фонологии, значительно сокращается по сравнению с тем позиционным набором, который обычно используется в научных фонологических описаниях. Сильной будет считаться просто позиция в ударном слогe, и в фонетической транскрипции будет отражаться только вариативное изменение гласной /и/ после твердых согласных в виде [ы]. Слабые позиции включают следующие характеристики:

- 1) позиция в первом предударном неприкрытом слогe;
- 2) позиция в первом предударном слогe после твердых согласных;
- 3) позиция в первом предударном слогe после мягких согласных;
- 4) позиция в остальных безударных слогах неприкрытых;
- 5) позиция в остальных безударных слогах после твердых согласных;
- 6) позиция в остальных безударных слогах после мягких согласных.

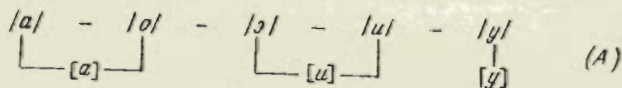
Последовательность позиционных критериев при описании вокализма русского языка можно изобразить на следующей схеме:

§ 2. ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ В 1-м ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ

В зависимости от двух факторов, влияющих на реализацию гласных, следует различать два вида процессов, происходящих в слабых позициях: а) редуцивная вариативность, б) комбинаторная вариативность. Но четкой грани между этими процессами не существует, так что один и тот же вариант является обыкновенно результатом совмещения редукации и комбинаторного варьирования.

А. Частичное неразличение гласных в неприкрытом слоге перед ударением состоит в следующей субституции вариантов:

К этой схеме следует сделать два замечания.

1. Варианты [a], [ɔ], [y] отличаются от соответствующих гласных ударных слогов более вялой артикуляцией и меньшей длительностью. Эти особенности не являются собственными свойствами данных звуков, а обусловлены характером ударения. Поэтому постановка редуцированных гласных означает постановку ударности: при правильном (в физическом смысле) ударении безударные гласные, естественно, будут произноситься менее энергично.

2. В русских словах в данной позиции не встречается [э] — обычно оно либо ударное, либо находится после согласного. Слова с начальным безударным [э] являются иностранными

по происхождению и поэтому образуют особую фонетическую подсистему: в них допустимо произношение слабого [э]. Те слова, которые вошли в широкий обиход, произносятся обычно со звуком [и], т. е. «[и], склонное к [э]», например, *экзамен* [и^эгзám'ин], *экскурсия* [и^экскúрс'иä], *этаж* [и^этáш], *экономист* [и^экъянám'ист], но *элита* [эл'йтъ], *эгида* [эг'йдъ] и т. д. Русифицирование начальных гласных в усвоенных словах особенно ярко проявляется в предложных сочетаниях, ср. *на экзамен* [наигзám'ин], *с этажа* [сытажá]. При обучении фонетике в тренировочный материал войдут, естественно, более употребительные слова, и студентов можно ориентировать на произношение [э] в этой позиции как [и].

Примеры для позиции неприкрытого
предударного слога

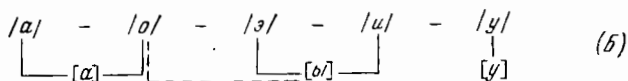
<i>аванс</i> [авáнс]	<i>обвал</i> [абвáл]
<i>актер</i> [акт'óр]	<i>обдать</i> [абдáт']
<i>акула</i> [аку́ль]	<i>обгон</i> [абгóн]
<i>альбом</i> [ал'бóм]	<i>обжечь</i> [абжэч]
<i>Амур</i> [аму́р]	<i>обжить</i> [абжы́т']
<i>араб</i> [арáп]	<i>обзор</i> [абзóр]
<i>арбуз</i> [арбу́с]	<i>обком</i> [абкóм]
<i>артель</i> [арт'эл']	<i>облить</i> [аблй́т']
<i>архив</i> [арх'йф]	<i>обуть</i> [абу́т']
	<i>огонь</i> [агóн']
	<i>овца</i> [афцá]
	<i>окно</i> [акно́]

Чтобы убедиться, что в безударном слоге представлена именно фонема /o/, а не /a/, надо прибегнуть к аналогии других форм, в которых данная позиция была бы сильной, т. е. ударной. В приведенных примерах имеется префикс *об-* (кроме слова *обком*), который фонологически записывается как /об/, поскольку есть формы, где этот префикс несет ударение, ср. *обданный*, *обжил*, *облил*, *обувь*. В остальных примерах /o/ также проверяема, ср. *обкóм—óбласть*, *огóнь—óгненный*, *овца́—óвцы*, *óкно—óкна*.

игла [иглá], ср. *йглы*
игра [игрá], ср. *йгры*
иди [ид'й], ср. *йдучи*
избрать [избрáт'], ср. *йзбранный*
издать [издáт'], ср. *йзданный*
иной [инóй], ср. *йначе*

убить [уб'йт']
убрать [убрáт']
увез [ув'óс]
увял [ув'áл]
удар [удáр]
узор [узóр]
указ [укáс]
укол [укóл]
уметь [ум'эт']
упасть [упáс'т']
учить [учй́т']

Б. Вариативность гласных в 1-м предударном слоге после твердых согласных представляется следующим образом:

Примечание. В русских словах перед фонемой /э/ из твердых согласных встречаются только /ш/, /ж/ и /ц/, причем лишь два первых имеют фонологическую твердость. В рассматриваемой позиции фонема /э/ реализуется после этих согласных в виде звука [ы^э], причем в беглой речи призвук [э] может исчезать. В нормативных описаниях обычно приводится вариант [ы^э], однако с методической точки зрения кажется нецелесообразным ставить такой мало понятный звук, тем более, что часто слышится просто [ы]. Можно полагать, что положение варианта [ы^э] в современном русском произношении очень неустойчиво, и тенденция явно направлена к выравниванию по позиции после мягких, где фонетисты обычно регистрировали вариант [и^э], который в 60-е годы произносится фактически без призвука, что и отражено в книге М. В. Панова. Все это позволяет, учитывая методическое удобство и фонетические тенденции, ориентировать студентов на произношение [ы] как общего варианта фонем /э/ и /и/ в позиции после твердых согласных в 1-м предударном слоге. Этот же вариант имеет фонема /о/ после согласных [ш], [ж], [ц].

Примеры:

/a/	/o/
базар [базáр]	борьба [бар'бá], ср. бóремся
балкон [балкóн]	болеть [бал'эт'], ср. бóлен
банан [банáн]	большой [бал'шóи], ср. бóльше
валить [валит'] ср. вал	вода [вадá], ср. вóдный
варить [вар'ит'], ср. вар	война [ваина́], ср. вóйны
дарить [дар'ит'], ср. дар	желтеть [жылт'эт'], ср. жóлтый
жара [жарá], ср. жáрко	шелка [шылкá], ср. шóлк
цари [цар'и], ср. царь	жена [жына́], ср. жóны
	кольцевой [къл'цывóи], ср. дворцо́вый

/э/	/и/
шестой [шысто́и], ср. шéсть	былой [было́и], ср. был
женить [жын'ит'], ср. жéнится	высок [высо́к], ср. в́ыше

везти [в'ис'т'й], ср. *вѣз* [в'ѳс]
верста [в'ирстá], ср. *вѣрсты* [в'ѳрсты]
весна [в'иснá], ср. *весны* [в'ѳсны]
зерно [з'ирнѳ], ср. *зѣрна* [з'ѳрнѳ]
лежать [л'ижáт'], ср. *лѣжа* [л'ѳжѳ]
плести [пл'ис'т'й], ср. *плѣл* [пл'ѳл]
чернеть [ч'ирн'ѳт], ср. *чѣрный* [ч'ѳрны]
щека [ш'икá], ср. *щѣки* [ш'ѳк'и]
ежовый [инжѳвыи], [ижѳвыи], ср. *ѣж* [ѳш]

/э/

беда [б'идá], ср. *бѣдный*
белить [б'ил'йтѳ], ср. *бѣлый*
берець [б'ир'ѳч], ср. *бѣрежный*
весы [в'исы], ср. *вѣс*
дела [д'илá], ср. *дѣло*
держать [д'иржáтъ] ср. *дѣржит*
земля [з'имл'á], ср. *зѣмли*
лесной [л'иснѳи], ср. *лѣс*
перо [п'ирѳ], ср. *пѣрья*
червяк [ч'ир'в'áк], ср. *чѣрви*
ездок [инздѳк], [издѳк], ср. *ездить* [ѳз'д'ит']

/и/

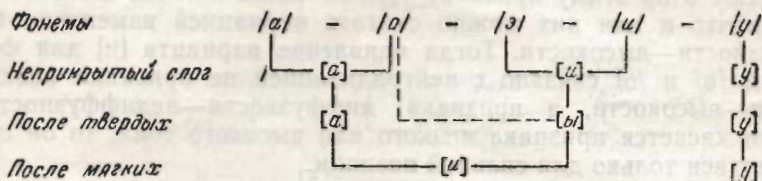
вино [в'инѳ], ср. *вѣна*
длина [дл'инá], ср. *длѣнный*
зима [з'имá], ср. *зѣмний*
кипеть [к'ип'ѳт'], ср. *кѣпень*
силач [с'илáч], ср. *сѣла*
читать [ч'итáт'], ср. *чѣтка*

/у/

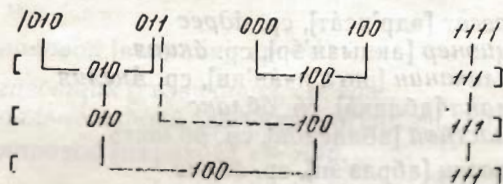
любить [л'уб'йт'], ср. *лѳбит*
людей [л'уд'ѳи], ср. *лѳди*
тюрьма [т'ур'мá], ср. *тѳрьмы*
южанин [иужáн'ин], ср. *ѳг*

Г. Обобщение позиционных характеристик 1-го предупредного слога.

Легко видеть, что характер нейтрализации в неприкрытом слоге и после твердых согласных один и тот же: в обоих случаях представлена первичная тройка звуковых типов, различие же между [и] и [ы] носит, как было сказано, характер вариации. Общая редуцированная схема 1-го предупредного слога такова:

Абсолютно устойчивыми являются диффузные звукотипы, различающиеся по признаку лабиализованности. Остальные признаки подвергаются нейтрализации, причем в первую очередь снимается различие по лабиализованности у недиффузных фонем /a/—/o/ и /o/—/э/ — в первой паре в пользу варианта [a], во второй паре — в пользу варианта [ы]. Наиболее слабая позиция — после мягких согласных, в которой нейтрализуются все различия, кроме лабиализованности — нелабиализованности. Таким образом, для всех типов рассмотренной позиции этот признак является наиболее устойчивым; на втором месте по степени устойчивости — признак диффузности — недиффузности, сохраняющийся в двух разновидностях данной позиции. Ту же схему можно представить для цифровых символов фонем:

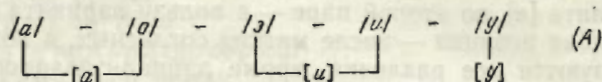
Для каждой фонемы сохранение ее признаков по всем типам позиции отражает ее устойчивость в системе. При этом /o/ и /y/ образуют крайние полюсы: у /o/ ни один из признаков не сохраняется от начала до конца, у /y/ все признаки сохраняются. Фонема /o/ наиболее подвержена вариативности. У фонем /a/ и /э/ во всех случаях сохраняется признак нелабиализованности. Фонему /и/ также можно считать максимально устойчивой, так как чередование [и]—[ы] представляет собой вариацию.

Интересно обратить внимание на признак низкости—высокости. Для /и/ изменения этого признака носят характер вариации, как и для /y/, которая после мягких звучит как [y̥], но эта вариация не обозначается. Варианты фонем /a/ и /o/

имеют 0 по этому признаку только после мягких согласных, так что и для них можно считать вариацией изменения по низкости—высокости. Тогда появление варианта [и] для фонем /а/ и /о/ связано с нейтрализацией не признака низкости—высокости, а признака диффузности—недиффузности. Что касается признака низкого или высокого тона, то он существует только для сильной позиции.

§ 3. ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ В ОСТАЛЬНЫХ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ

А. В неприкрытом слоге, находящемся на любом удалении от ударного, гласные выступают в тех же вариантах, что и в неприкрытом 1-м предударном:

Таким образом, для неприкрытых слогов существенна лишь одна характеристика — ударны они или безударны, положение же относительно ударного слога не имеет значения.

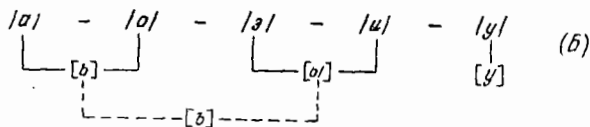
Примеры:

адресат [адр'исáт], ср. *а́дрес*
акционер [акцыан'э́р], ср. *а́кция*
англичанин [англ'ичáн'ин], ср. *А́нглия*
облака [аблакá], ср. *о́блако*
областной [абласно́н], ср. *о́бласть*
образец [абраз'э́ц], ср. *о́браз*
окружать [акружа́т'], ср. *о́круг*
организм [арган'и́зм], ср. *о́рган*
острие́ [астр'и́jó], ср. *о́стрый*
отпустить [атпус'т'и́т'], ср. *о́тпуск*
игровой [играво́и], ср. *и́гры*
издалека [издэ́л'икá], ср. *и́здали*
именной [им'ино́и], ср. *и́мя*
убывать [убыва́т'], ср. *у́быль*
уголок [угало́к], ср. *у́гол*
умирать [ум'ира́т'], ср. *у́мер*
учителя [учит'ил'á], ср. *у́чит*

Б. После твердых согласных в безударных слогах (будем так называть любой слог, кроме 1-го предударного, который в дальнейшем называется просто предударным)

происходит нейтрализация, параллельная нейтрализации в предударном слоге:

→ 27

Вариант [ɔ] представляет более ослабленную ступень [a]; в нем фактически сняты все признаки, кроме недиффузности. Следует помнить также, что и варианты [ы], [у] произносятся в безударных позициях более слабо, чем в предударной, и [ы] по сути приближается к [ɔ] (точнее [ɔ^{bl}]) — эта тенденция показана в схеме пунктирной линией. Вариант [у] в беглой речи также сдвигается к среднему положению, так что в отдаленных от ударного слогах и в заударных [у] представляет собой скорее огубленное [ɔ]. Поскольку это сближение [ɔ] и [ы] в рассматриваемой позиции характерно для современного разговорного стиля, при фонетическом обучении студентов целесообразно ориентировать на различение только двух данных вариантов [ɔ] и [у]. Такая редуктивная схема представляет полную параллель с позицией после мягких согласных, которая рассматривается ниже:

Примеры:

- валовой [в'влaвóи], ср. *vál*
 газовщик [г'зaфш'и́к], ср. *gáz*
 дальновидный [д'ъл'нав'идн'и], ср. *dál*
 паровой [п'ърaвóи], ср. *pár*
 заниматься [з'ън'имáцъ], ср. *zányt*
 двадцать [двáцът'], ср. *dvadcát*
 боевой [б'ъвiвóи], ср. *bóй*
 полевой [п'ъл'ивóи], ср. *póle*
 поле [пóл'ъ], ср. *seló*
 городской [г'ърaцкóи], ср. *górod*
 целевой [ц'ъл'ивóи], ср. *цél*
 шелестеть [ш'ъл'ис'т'эт'], ср. *šélest*
 жестяной [ж'ъс'т'инóи], ср. *žést*
 бытовой [б'ътaвóи], ср. *бýt*
 жировой [ж'ърaвóи], ср. *žír*
 ширина [ш'ър'инá], ср. *šíre*
 сыновья [с'ънов'já], ср. *sýn*

рыбаки [рѣбак'ѣ], ср. рыба
 пулевой [пул'ивѣи], ср. пуля
 дому [дѣму], ср. столу
 музыкант [музык'ант], ср. музыка
 суповой [супавѣи], ср. суп
 шумовой [шумавѣи], ср. шум

В. После мягких согласных безударные позиции допускают лишь два варианта — очень ослабленное [и], которое иногда транскрибируется в виде [ь], и [у]:

$$\begin{array}{ccccccc} /a/ & - & /o/ & - & /э/ & - & /и/ & - & /у/ \\ \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} \\ & & & & [и] & & & & [у] \end{array} \quad (B)$$

Усвоение мягких согласных и ударения обеспечит правильное произношение [и] в этих позициях.

Примеры:

пятакá [п'итак'á], ср. п'ять
 рядовой [р'идавѣи], ср. ряд
 часовой [чисавѣи], ср. час
 якоря [никар'á], [икар'á], ср. якорь [jáкър']
 темнотá [т'имнатá], ср. тёмный
 зерновой [з'ирнавѣи], ср. зёрна
 чернотá [ч'ирнатá], ср. чёрный
 счетовод [ш'итавѣи], ср. счёт [ш'ѣт]
 беганье [б'эгън'иь], ср. спанье [спан'jѣ]
 чистотá [чистатá], ср. чистый
 кислотá [кислатá], ср. кислый
 мировой [м'иравѣи], ср. мир.
 приходитъ [пр'ихад'ѣт'], ср. пришлый.
 чудеса [чуд'исá], ср. чудо

Особого замечания требует вариативность гласных в безударных слогах (но не в предударном) после [j], который стоит между гласными. Это касается прежде всего окончаний прилагательных женского и среднего рода и некоторых деепричастий. В этой позиции [j] исчезает, но передает «мягкость» следующей гласной. Варианты гласных при этом такие: для /a/ и /o/ — [ä] (т. е. продвинутый кпереди [ъ]), для /у/ — [ÿ], для остальных — [и]. Таким образом, [j] не приводит к появлению новых вариантов, а лишь видоизменяет имеющиеся

Эта позиция занимает как бы промежуточное положение между типами Б и В: с одной стороны, [j] ведет себя как нормальный мягкий согласный, но только в позиции не между гласными; с другой стороны, между гласными он ведет себя по отношению к /а/ и /о/ как твердый согласный, так как обуславливает вариант [ъ], хотя и окрашенный высокой тональностью (ä). Это объясняется природой самого [j], который с фонологической точки зрения нельзя считать ни мягким, ни твердым. При постановке варианта [ä] студентов следует ориентировать на слабый, как бы незавершенный звук [э]: артикуляционные органы только принимают положение для произнесения [э], но выдержка остается минимальной, так что получается не [э], а лишь неопределенный звук типа [ъ], продвинутый к переднему ряду. Транскрипция [ä] эквивалентна транскрипции [иъ], но точнее отражает современное произношение.

Примеры:

питьевая вода [п'ит'ниваä вадá] = /п'ит'јоваја водá/, ср. *моя* [маjä].

большое поле [бал'шоä пол'ъ] = /бол'шóјо пол'о/, ср. *мое* *белье* [маjó б'ил'јó].

синие цветы [с'йн'ни цв'иты], ср. *мои цветы*

роем [рóäm] = /рóјом/, ср. *копьем*,

роем [рóим] = /рóјим/, ср. *стоим*

но: *боягуз* [бъигүс] = /бојагүз/, ср. *бояться*, *бóйся*

моего [мъивó] = /мојовó/, ср. *моё* [маjó].

Г. Обобщение безударных позиций.

Как и в предударном слоге, в прочих безударных слогах основным фактором, влияющим на количество и качество вариантов, является наличие—отсутствие перед гласной мягкого согласного. Присутствие мягких согласных приводит к сокращению различаемых вариантов до двух, отличающихся друг от друга по признаку лабиализованности—нелабиализованности. Вариативность гласных по позициям, если исключить указанные случаи с интервокальным [j], характеризуется стройностью и симметричностью. Что касается варианта [ä], то усвоение его целесообразно связывать с соответствующим разделом грамматики, поскольку он появляется в основном в заударных окончаниях. Кроме того, варианты [ä] и [и] в этой позиции позволяют различать именные и глагольные формы, а это уже важный грамматический факт, хотя таких форм наберется, может быть немного, ср. приведенную выше пару *роем* [рóäm] — *роем* [рóим]. С фонологической точки зрения [ä] = [ъ], т. е. в данной позиции гласные /а/—/о/ «чувствуют себя» в отношении выбора в а р и а н т а, как в позиции не пос-

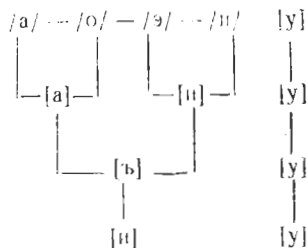

Сильная позиция: ударный слог

Слабые позиции:

1. Любой неприкрытый безударный слог и 1-й предударный слог после твердых согласных
2. Любой безударный слог (кроме 1-го предударного) после твердых согласных
3. Любой безударный слог после мягких согласных

Судя по количеству различающихся в каждой позиции типовых вариантов (т. е. вариантов, с которых сняты вариационные изменения), фактор наличия мягкого согласного действует аналогично дистанционному фактору: двухвариантная система требуется в любой позиции, кроме 1-го предударного — это дистанционная редукция, но если 1-й предударный слог содержит мягкий согласный, то требуется также двухвариантная система. Мягкий согласный как бы сдвигает номер предударного слога на один порядок, вызывая тем самым дистанционную редукцию по диффузности—недиффузности.

Итак, слабые позиции воздействуют на все три дифференциальных признака, но в разной степени. В первой слабой позиции утрачивается различие по вторичной лабиализованности—нелабиализованности (/a/—/o/) и по вторичной диффузности—недиффузности (/э/—/и/), т. е. первыми нейтрализуются те фонемные пары, которые получены в результате расщепления первичной типологической тройки [a]—[u]—[y]. Эта редукция вызвана дистанционным фактором — положением в первом предударном слоге — плюс фактор неприкрытости слога, который независим от дистанционного фактора.

Дальнейшая редукция в более отдаленных безударных слогах приводит к устранению различия уже по первичной диффузности—недиффузности — в пользу диффузных, и это также чисто дистанционная редукция. Подключение комбинаторного фактора (наличия мягких согласных) видоизменяет этот результат дистанционной редукции лишь качественно, но не количественно. Однако это справедливо лишь для не 1-го предударного слога. В последнем же комбинаторный фактор не только независим от дистанционного, но и перекрывает его, создавая свою двухвариантную систему [и]—[у]. В этой паре сохраняется различие по признаку лабиализованности—нелабиализованности, который поэтому должен считаться стержневым для системы русского вокализма.

Содержание только что описанных редуktивных процессов удобно изобразить с помощью уже использовавшихся цифровых формул. Напомним, что каждая цифра соответствует одному из признаков в следующей последовательности: диффузность—низкость—лабиализованность; 1 означает «да», 0 означает «нет», т. е. соответственно недиффузность, высота и нелабиализованность.

Сильная позиция:	/a/	/o/	/э/	/и/	/y/
Слабые позиции:	010	011	000	100	111
(1)					
(2), (3)					

СЛОВАРЬ МИНИМАЛЬНЫХ ПАР

Настоящий словарь, составленный на основе словаря С. И. Ожегова, не является исчерпывающим. В список минимальных пар включены не только фонологические пары, но и некоторые фонетические, поэтому все слова даются в фонетической транскрипции. Противопоставленные звуки выделены полужирным шрифтом>.

- абонент [абан'энт] — оппонент [апан'энт]
 аборт [а**б**орт] — апорт [а**п**орт]
 бай [б**а**й] — пай [п**а**й]
 бал [б**а**л] — пал [п**а**л]
 балка [б**а**лкъ] — палка [п**а**лкъ]
 бас [б**а**с] — пас [п**а**с]
 баста [б**а**стъ] — паста [п**а**стъ]
 бег [б'э**к**] — пег [п'э**к**]
 белена [б'ил'ин**а**] — пелена [п'ил'ин**а**]
 белить [б'ил'ит'] — пилить [п'ил'ит']
 бетон [б'ит**о**н] — питон [п'ит**о**н]
 биток [б'ит**о**к] — питок [п'ит**о**к]
 бить [б'ит'] — пить [п'ит']
 бить [б'ит'] — быть [быт']
 блеск [бл'э**ск**] — плеск [пл'э**ск**]
 бланка [бл**а**нкъ] — планка [пл**а**нкъ]
 блоха [бл**а**х**а**] — плоха [пл**а**х**а**]
 боб [б**о**п] — поп [п**о**п]
 бодать [ба**д**ат'] — подать [па**д**ат']
 бой [б**о**й] — пой [п**о**й]
 бор [б**о**р] — пор [п**о**р]
 борт [б**о**рт] — порт [п**о**рт]
 бот [б**о**т] — пот [п**о**т]
 бочка [б**о**чкъ] — почка [п**о**чкъ]
 bravo [бр**а**въ] — право [пр**а**въ]
 брага [бр**а**гъ] — Прага [пр**а**гъ]
 бросит [бр**о**сит] — просит [пр**о**сит]
 будь [бу**т**] — путь [пу**т**]
 бук [бу**к**] — пук [пу**к**]
 бухнуть [бу**х**нут'] — пухнуть [пу**х**нут']
 бугай [бу**г**ай] — пугай [пу**г**ай]
 былъ [бы**л**] — пылъ [пы**л**]
 сброс [зб**р**ос] — спрос [сп**р**ос]
 ваза [в**а**зъ] — фаза [ф**а**зъ]
 ваза [в**а**зъ] — вяза [в'в**а**зъ]
 вас [в**а**с] — фас [ф**а**с]
 вал [в**а**л] — вял [в'в**а**л]
 веско [в'в**э**скъ] — феска [ф'ф**э**скъ]
 винт [в'вин**т**] — финт [ф'фин**т**]
 вить [в'ит'] — выть [выт']
 висок [в'ис**о**к] — высок [выс**о**к]
 влага [вл**а**гъ] — флага [фл**а**гъ]
 вон [в**о**н] — фон [ф**о**н]
 вора [в**о**ръ] — фора [ф**о**ръ]
 ворс [в**о**рс] — форс [ф**о**рс]
 враг [в**р**ак] — фрак [ф**р**ак]
 выданный [в**ы**д**а**н**н**ый] — виданный [в'ид**а**н**н**ый]
 олива [ал'ив**ъ**] — олифа [ал'иф**ъ**]
 дрова [др**а**в**а**] — дрофа [др**а**ф**а**]
 сова [сав**а**] — софа [с**а**ф**а**]

гадко [гáткѣ] — кадка [кáткѣ]
 галун [галу́н] — колун [калу́н]
 галька [га́лкѣ] — калька [ка́лкѣ]
 гаркать [га́ркѣтъ'] — каркать [ка́ркѣтъ']
 гасить [гас'и́тъ'] — косить [кас'и́тъ']
 гатить [гат'и́тъ'] — катить [кат'и́тъ']
 гладь [глат'] — кладь [клат']
 глас [глас] — класс [клас]
 гласный [гласнѣи] — классный [класнѣи]
 год [гот] — кот [кот]
 гол [гол] — кол [кол]
 голец [гал'эц] — колец [кал'эц]
 голос [го́льс] — колос [ко́льс]
 гонец [ган'эц] — конец [кан'эц]
 гонка [го́нкѣ] — конка [ко́нкѣ]
 гора [гара́] — кора [кара́]
 гость [гос'т'] — кость [кос'т']
 готика [го́тикѣ] — котика [ко́тикѣ]
 граб [грап] — краб [крап]
 гран [гран] — кран [кран]
 грива [гр'и́въ] — криво [кр'и́въ]
 громко [гро́мкѣ] — кромка [кро́мкѣ]
 грот [грот] — крот [крот]
 гроши [грашѣи] — кроши [крашѣи]
 группа [гру́пѣ] — крупа [кру́пѣ]
 губка [гу́пкѣ] — кубка [ку́пкѣ]
 губы [гу́бы] — кубы [ку́бы]
 густ [густ] — куст [куст]
 гуща [гуш'ѣ] — куща [куш'ѣ]
 драга [дра́гѣ] — драка [дра́кѣ]
 лига [ли́гѣ] — лика [ли́кѣ]
 богом [бо́гѣм] — боком [бо́кѣм]
 игра [игра́] — икра [икра́]
 да — та
 дам [дам] — там [там]
 дать [дат'] — тать [тат']
 дверь [д'в'эр'] — Тверь [т'в'эр']
 дворец [двар'эц] — творец [твар'эц]
 делец [д'ил'эц] — телец [т'ил'эц]
 дело [д'элъ] — тело [т'элъ]
 делиться [д'ил'и́цѣ] — телиться [т'ил'и́цѣ]
 день [д'эн'] — тень [т'эн']
 дерн [д'орн] — терн [т'орн]
 дерзать [д'ирзат'] — терзать [т'ирзат']
 десна [д'исна́] — тесна [т'исна́]
 дина [д'и́нѣ] — тина [т'и́нѣ]
 для [дл'а] — тля [тл'а]
 доить [даит'] — таить [таит']
 док [док] — ток [ток]
 долг [долк] — толк [толк]
 доля [до́лѣ] — Толя [то́лѣ]
 дом [дом] — том [том]
 домна [до́мнѣ] — томно [то́мнѣ]
 допить [дап'и́тъ'] — топить [тап'и́тъ']
 дорос [дарос] — торос [тарос]
 доска [даска́] — тоска [таска́]
 дот [дот] — тот [тот]
 дочка [до́чкѣ] — точка [то́чкѣ]

драп [драп] — трап [трап]
дрова [дравá] — трава [травá]
дуб [дуп] — туп [туп]
дуга [дугá] — туга [тугá]
душ [душ] — тушь [туш]
душить [душýт'] — тушить [тушýт']
банда [бáндъ] — банта [бáнтъ]
бетон [б'итон] — бидон [б'идон]
быт [быт] — быть [быт']
бесплодный [б'исплóднѣи] — бесплотный [б'исплóтнѣи]
видать [в'идáт'] — витать [в'итáт']
выйти [в'ыит'и] — выйди [в'ыид'и]
глодать [гладáт'] — глотать [глатáт']
задор [задóр] — затор [затóр]
кадить [кад'йт'] — катить [кат'йт']
модель [мадэл'] — мотель [мотэл']
молодить [мълад'йт'] — молотить [мълат'йт']
плодник [плóдн'ик] — плотник [плóтн'ик]
падение [пад'эн'иá] — потение [пат'эн'иá]
подрубить [пѣдруб'йт'] — потрубить [пѣтруб'йт']
родовой [рѣдавóи] — ротовой [рѣтавои]
сдать [здат'] — стать [стат']
стадный [ста́днѣи] — статный [ста́тнѣи]
удалить [удал'йт'] — утолить [утал'йт']
удочка [удъчкъ] — уточка [утъчкъ]
жаль [жал'] — шаль [шал']
жалость [жалъс'т'] — шалость [шалъс'т']
жалеть [жал'эт'] — шалеть [шал'эт']
жар [жар] — шар [шар]
жарить [жáр'ит'] — шарить [шáр'ит']
жаровой [жъравóи] — шаровой [шъравóи]
жатка [жáткъ] — шатко [шáткъ]
жест [жэст] — шест [шэст]
жесть [жэс'т'] — шесть [шэс'т']
жила [жýль] — шила [шýль]
жить [жýt'] — шить [шýt']
житье [жýt'jó] — шитье [шýt'jó]
жутко [жýткъ] — шутка [шýткъ]
сажа [сáжъ] — Саша [сáшъ]
смежить [с'м'ижýт'] — смешить [с'м'ишýт']
кружить [кружýт'] — крушить [крушýт']
тужить [тужýт'] — тушить [тушýт']
чаша [чáшъ] — чаща [чашъ]
шолка [шóлкъ] — щелка [ш'óлкъ]
прошу [прашý] — прощу [праш'ý]
плюш [пл'уш] — плющ [пл'уш']
забой [забóи] — собой [сабóи]
забрало [забрáль] — собрало [сабрáль]
забрать [забрáт'] — собрать [сабрáт']
завет [зав'эт] — совет [сав'эт]
завешание [зъв'иш'án'иá] — совещание [съв'иш'ániá]
загнуть [загнýт'] — согнуть [сагнýт']
загнать [загна́т'] — согнать [сагна́т']
зад [зат] — сад [сат]
задержать [зэ́д'иржáт'] — содержать [сэ́д'иржáт']
зайти [заит'и] — сойти [саит'и]
зажать [зажáт'] — сажать [сажáт']

залить [зал'йт'] — солить [сал'йт']
 зам [зам] — сам [сам]
 замок [замък] — самок [самък]
 запеть [зап'эт'] — сопеть [сап'эт']
 запрягать [зъпр'игат'] — сопрягать [съпр'игат']
 зарок [зарок] — сорок [сарок]
 заряд [зар'ат'] — сорят [сар'ат']
 заслать [заслат'] — сослать [саслат']
 заставить [застав'ит'] — составить [састав'ит']
 заставка [заставъ] — состава [саставъ]
 зачинить [зъчин'йт'] — сочинить [съчин'йт']
 зверь [з'в'эр'] — сверь [с'в'эр']
 зев [з'эф] — сев [с'эф]
 зеница [з'ин'ицъ] — синица [с'ин'ицъ]
 зияние [з'и'ян'иä] — сияние [с'и'ян'иä]
 зиять [з'и'ят'] — сиять [с'и'ят']
 злить [з'лит'] — слить [с'лит']
 злой [злой] — слой [слои]
 змей [з'м'эи] — смей [с'м'эи]
 зов [зоф] — сов [соф]
 зон [зон] — сон [сон]
 сразу [зр'азу] — сразу [ср'азу]
 зуб [зуп] — суп [суп]
 зуд [зут] — суд [сут]
 зыбь [зып'] — сыпь [сып']
 зять [з'ат'] — сядь [с'ат']
 казаться [казацъ] — касаться [касацъ]
 коза [казá] — коса [касá]
 азот [азóт] — осот [асóт]
 база [бáзъ] — баса [бáсъ]
 везло [в'излó] — весло [в'ислó]
 визит [в'из'йт] — висит [в'ис'йт]
 позор [пазóр] — позер [паз'óр]
 риза [р'и'зъ] — риса [р'исъ]
 проза [прóзъ] — проса [прóсъ]
 лад [лат] — рад [рат]
 лаз [лас] — раз [рас]
 лай [лаи] — рай [раи]
 лак [лак] — рак [рак]
 лаг [лак] — ляг [лак]
 лама [ламъ] — рампа [рамъ]
 лампа [лампъ] — рамка [рампъ]
 лань [лан'] — рань [ран']
 лот [лот] — рот [рот]
 лот [лот] — лёт [л'от]
 ложка [лóшкъ] — лежка [л'óшкъ]
 лезь [л'эс'] — резь [р'эс']
 лон [лон] — лен [л'он]
 лента [л'энтъ] — рента [р'энтъ]
 лечь [л'эч] — речь [р'эч]
 лига [л'игъ] — рига [р'игъ]
 лис [л'ис] — рис [р'ис]
 лис [л'ис] — лыс [лыс]
 лиф [л'иф] — риф [р'иф]
 лишь [л'иш] — лыж [лыш]
 лов [лоф] — ров [роф]
 лог [лок] — рог [рок]
 ложа [лóжъ] — рожа [рóжъ]

ложь [лoш] — рожь [poш]
 лозы [лoзы] — розы [póзы]
 лом [лoм] — ром [poм]
 лоток [латóк] — роток [ратóк]
 лук [лук] — рук [рук]
 лук [лук] — люк [л'ук]
 бал [бал] — бар [бар]
 баллон [балóн] — барон [барóн]
 балка [бáлкъ] — барка [бáркъ]
 билет [б'ил'эт] — берет [б'ир'эт]
 блат [блат] — брат [брат]
 болт [болт] — борт [борт]
 булка [бúлкъ] — бурка [бúркъ]
 валить [вал'йт'] — варить [вар'йт']
 ветла [в'итлá] — ветра [в'итрá]
 вол [вол] — вор [вор]
 волна [валнá] — вольна [вал'нá]
 вплавь [фплáф'] — вправь [фпраф']
 вылез [в'ыл'ис] — вырез [в'ыр'ис]
 глаза [глазá] — гроза [гразá]
 глушь [глуш] — груш [груш]
 голод [гóлтъд] — город [гóръд]
 гора [гарá] — горя [гар'á]
 герка [гóркъ] — горько [гóр'къ]
 гульба [гул'ба] — гурьба [гур'ба]
 дал [дал] — дар [дар]
 рад [рат] — ряд [р'ат]
 ров [роф] — рев [р'оф]
 бур [бур] — бурь [бур']
 шар [шар] — шарь [шар']
 сыр [сыр] — сырь [сыр']
 долить [дал'йт'] — дарить [дар'йт']
 ел [jэл] — ель [jэл']
 мел [м'эл] — мель [м'эл']
 мил [м'ил] — мир [м'ир]
 мол [мол] — моль [мол']
 молить [мал'йт'] — морить [мар'йт']
 пал [пал] — пар [пар]
 палить [пал'йт'] — парить [пар'йт']
 полка [пóлкъ] — порка [пóркъ]
 полез [пал'эс] — порез [пар'эс]
 плавка [плáфкъ] — правка [пράфкъ]
 плыть [плыт'] — прыть [прыт']
 слог [слок] — срок [срок]
 сталь [стал'] — старь [стар']
 тлеть [тл'эт'] — треть [тр'эт']
 села [с'элъ] — сера [с'эръ]
 телка [т'óлкъ] — терка [т'оркъ]
 укол [укол] — укор [уко́р]
 удар [удáр] — ударь [удáр']
 жар [жар] — жарь [жар']
 пар [пар] — парь [пар']
 вера [в'эръ] — веря [в'эр'ъ]
 пил [п'ил] — пир [п'ир]
 мало [мáлъ] — мяла [м'áлъ]
 масса [мáсъ] — мясо [м'áсъ]
 мать [мат'] — мять [м'ат']
 мода [мóдъ] — мёда [м'óдъ]
 мол [мол] — мёл [м'ол]

мэра [м'эръ] — мера [м'эръ]
 мыс [мыс] — мисс [м'ис]
 мыло [мыль] — мило [м'иль]
 мышка [мышкь] — мишка [м'йшкь]
 корма [карма] — кормя [карм'а]
 тема [т'эма] — темя [т'эма]
 намок [намок] — намек [нам'ок]
 нос [нос] — нёс [н'ос]
 нить [нит'] — нить [н'ит']
 ровно [ровнь] — ровня [ров'нь]
 сходно [сходнь] — сходня [сход'нь]
 пена [п'энь] — пеня [п'энь]
 погона [пагонь] — погоня [пагон'ь]
 горный [горньи] — горний [гор'ни]
 банка [банкь] — банька [бан'кь]
 дан [дан] — дань [дан']
 ран [ран] — рань [ран']
 таран [таран] — тарань [таран']
 гран [гран] — грань [гран']
 зелен [з'элин] — зелень [з'элин']
 кон [кон] — конь [кон']
 гормон [гармон] — гармонь [гармон']
 вон [вон] — вонь [вон']
 СЭВ [сэф] — сев [с'эф]
 сэр [сэр] — сер [с'эр]
 квас [квас] — квась [квас']
 вес [в'эс] — весь [в'эс']
 навес [нав'эс] — навесь [нав'эс']
 выброс [выбръс] — выбрось [выбръс']
 трус [трус] — трусь [трус']
 толка [толкь] — телка [т'олкь]
 томный [томньи] — темный [т'омньи]
 тыкать [тыкат'] — тикать [т'икът']
 мат [мат] — мать [мат']
 спад [спат] — спать [спат']
 брат [брат] — брать [брат']
 карат [карат] — карать [карат']
 жест [жэст] — жесьть [жэс'т']
 шест [шэст] — шеть [шэс'т']
 мест [м'эст] — месьть [м'эс'т']
 част [част] — часть [час'т']
 плот [плот] — плоть [плот']

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956.
2. Алексин Р. О., Клаас Ю. А., Чистович Л. А. Временные задержки буквенной записи гласных человеком-наблюдателем. «Акустический журнал», 1962, т. VIII, вып. 1.
3. Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению. М., 1937.
4. Бондарко Л. В. Структура слога и характеристики фонем. ВЯ, 1967, № 1.
5. Бондарко Л. В., Павлова Л. П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы. «Русский язык за рубежом», 1967, № 4.

6. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р., Павлова Л. П. Различаемые звуковые единицы русской речи. Сб. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., «Наука», 1966.
7. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. Изд-во МГУ, 1963.
8. Брызгунова Е. А. Материалы по курсу «Фонетика и интонация русской речи». Изд-во МГУ, 1965.
9. Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1965.
10. Варшавский Л. А., Чистович Л. А. Средние спектры русских гласных фонем. «Проблемы физиологической акустики», 1959, т. 4.
11. Васильев А. И. Фонология в процессе обучения русскому произношению иностранцев. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3.
12. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Изд-во ЛГУ, 1960.
13. Karcevski S. Remarques sur la phonologie du russe. «Cahiers F. de Saussure», 1943, t. 3.
14. Кузьмина С. М. О фонетике заударных флексий. Сб. «Развитие фонетики современного русского языка». М., «Наука», 1966.
15. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., «Наука», 1965.
16. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., ИЛ, 1960.
17. Мартине А. Основы общей лингвистики, сб. «Новое в лингвистике», в. 3. М., ИЛ., 1963.
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., ГИС, 1960.
19. Панов М. В. Русская фонетика. М., «Просвещение», 1967.
20. Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятий звуков языка. «Статьи по общему языкознанию». М., «Наука», 1968.
21. Реформатский А. А. О корреляции «твердых» и «мягких» согласных (в современном русском литературном языке). «Cercetări de lingvistică» («Melanges linguistiques offerts à E. Petrovici»), 1958, III.
22. Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1955, в. VIII.
23. Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология. «Филологические науки», 1959, № 2.
24. Реформатский А. А. О некоторых трудностях обучения произношению. Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев». М., «Высшая школа», 1961.
25. Реформатский А. А. Фонетический минимум при овладении русским произношением нерусскими. «Русский язык в национальной школе», 1961, № 4.
26. Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка. «Русский язык в национальной школе», 1961, № 6.
27. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., «Просвещение», 1967.
28. Психология и методика обучения второму языку (Критерии отбора языкового материала). Изд-во МГУ, 1967 (два выпуска: «Тезисы докладов» и «Тезисы сообщений»).
29. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., ИЛ, 1960.
30. Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., «Наука», 1965.
31. Frei H. La grammaire des fautes. Paris, 1929.
32. Чистович Л. А. Классификация звуков речи при их быстром повторении. «Акустический журнал», 1960, т. VI, вып. 3.
33. Чистович Л. А. Текущее распознавание речи человеком. Сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 7. М., Изд. МГПИИЯ, 1962.

34. Чистович Л. А. и др. Речь. Артикуляция. Восприятие. М.—Л., «Наука», 1965.
35. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.—Л., 1947.
36. Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., ИЛ, 1962.
37. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., ИЛ, 1962.
38. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of language. Gravenhage, 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
§ 1. Сущность и задачи практической фонологии	3
§ 2. Принципы подачи материала	6
§ 3. Вопрос о фонетическом минимуме	12
Общая фонологическая характеристика русского языка	
§ 1. Структура слова и ударение	17
§ 2. Основные фонологические категории русского языка	21
Консонантизм	
I. Некоррелятивные категории согласных	
§ 1. Сущность некоррелятивных категорий	28
§ 2. Категория периферийных и непериферийных согласных	29
§ 3. Категория резких и нерезких согласных	31
II. Коррелятивные категории согласных	
§ 1. Место коррелятивных категорий в системе русской фоно- логии	32
§ 2. Категория глухих и звонких согласных	34
§ 3. Позиционная характеристика категории глухих и звонких	36
§ 4. Категория твердых и мягких согласных	44
§ 5. Позиционная характеристика категории твердости—мягкости	47
Вокализм	
I. Системное описание вокализма	
§ 1. Фонологические особенности русских гласных	51
§ 2. Категория компактных—диффузных гласных	52
§ 3. Категория лабиализованных—нелабиализованных гласных	54
§ 4. Категория низких и высоких гласных	55
§ 5. Обобщение системы русских гласных	57
II. Позиционное описание русского вокализма	
§ 1. Характеристика позиций для гласных	59
§ 2. Вариативность гласных в 1-м предударном слоге	62
§ 3. Вариативность гласных в остальных безударных слогах	68
§ 4. Русский вокализм и система позиций	72
Словарь минимальных пар	75
Литература, использованная в настоящей работе	80

Виноградов Виктор Алексеевич

КОНСОНАНТИЗМ И ВОКАЛИЗМ РУССКОГО ЯЗЫКА

(Практическая фонология)

Тематический план 1970 г. № 100

Редакторы *Игошина С. В., Щербакова В. Г.*

Обложка художника *Казакевича В. С.*

Технический редактор *Кондрашова З. С.*

Корректоры *Петкевич М. М., Алексеева А. А.*

Сдано в набор 5/1 1970 г.

Подписано к печати 14/1 1971 г.

Л-116010

Формат 60×90/16

Бумага тип. № 1

Физ. печ. л. 5,25

Уч.-изд. л. 4,89

Изд. № 1173

Заказ 512

Тираж 6600 экз.

Цена 17 коп.

Издательство Московского университета. Москва, К-9, улица Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ (филиал). Москва, проспект Маркса, 20